

Андрей Демидов

ТАЙНЫ ЗВЕНЯЩИХ ХОЛМОВ

Андрей Демидов

Тайны Звонящих холмов

«Грифон»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Демидов А. Г.

Тайны Звенящих холмов / А. Г. Демидов — «Грифон», 2014

Первая часть исторической саги в жанре фэнтези посвящена приключениям, связанным с тайнами Звенящих холмов. Действие развёртывается в эпоху Великого переселения народов (в 630 году от Р.Х.). Читатель сможет наблюдать тесное взаимодействие славянских и финно-угорских племён на территории, позднее вошедшей в состав Московского княжества. Обычаи, психология, жизненный уклад тщательно реконструируются автором. Звенящие холмы пользуются зловещей славой: уже много веков они хранят свои тайные сокровища – и жестоко расправляются с теми, кто жаждет до них добраться. Кто только не старался туда проникнуть: берсерки-варяги, славянские волхи и даже неведомые силы, летающие на страшных, изрыгающих огонь громадных змеях! Для ценителей хорошей литературы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Демидов А. Г., 2014
© Грифон, 2014

Содержание

Пролог. Мятеж в дивизии «Маршал ТООТ»	7
Глава 1. Золото конунга Гердрика	13
Глава 2. Стреляне	18
Глава 3. Гон следа	25
Глава 4. Медведь-гора	31
Глава 5. Мстите за своих	38
Глава 6. Стоход	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Геннадиевич Демидов
Тайны Звонящих холмов
Роман

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой её части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Демидов А. Г., 2014

Пролог. Мятеж в дивизии «Маршал ТООТ»

ДИСКРЕТ-ШИФРОГРАММА ВХ-5501

В ШТАБ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
Командующему 3-й Галактической директорией
флот-командору
ягду Эртооку Ревдресу

База флота Стигмарконт
15-го иунна 3425 г. от начала Натоотвааля
Секретно!

Справка

Относительно:
мятеж в частях дивизии коммандос «Маршал ТООТ»

I

В начале 6-й декады 3424 г. два патрульных бота типа «Дош-44» и топливозаправщик ТПД-902 не покинули БФ Стигмарконт согласно предписанию командующего дивизией капитан-командора ягда Крирта Аулисссы.

Одновременно подразделения ягддишвальдера-17 этой дивизии и большая часть техников перебили охрану из числа Отдельного сторожевого ягддишвальдера-606 и полностью взяли под контроль центральный сектор базы.

Отдельные части дивизии «Маршал Тоот» остались верны присяге, по приказу командующего дивизией отошли к форту «Ихтенельд-23» и там были блокированы силами бригады «Кронсур». К 15.20 того же дня части 15-го и 8-го флотов были отозваны с операции по деблокаде правого фланга системы Голубого Шлейфа и сосредоточены на подступах к базе.

После того как расквартированная на базе 45-я штурмовая бригада изготовилась к атаке центрального сектора, был открыт огонь на поражение из всех имеющихся средств.

Однако в силу того, что мятежники к тому времени уже контролировали главные защитные эмиттеры базы, огонь оказался малоэффективен.

В 17.20 на связь с капитаном-командором ягдом Криртом Аулисссой вышел капитан Хросс и заявил, что представляет мятежников.

Он вызвал к себе капитан-командора ягда Аулисссу для переговоров, а также потребовал отвести части 15-го и 8-го флотов с дистанции прицельного огня.

Другим его требованием являлось освобождение из-под ареста флот-командира ягда Зиеса Рирдерка, который был захвачен Службой безопасности Натоотвааля в связи с обвинением в сотрудничестве с противником.

Капитан-командор ягд Аулисса запросил сутки абсолютного времени для консультаций с командованием, на что главарь мятежников согласился, сообщив, что в случае отрицательного ответа они взорвут главные эмиттеры и складской комплекс.

Учитывая, что все их суда имеют возможность телепортироваться без подготовки и на дистанцию более 1550 Тохов, а запасы мегразина ограничены лишь ёмкостью баков, эта угроза являлась реальной.

В 19.55 части 45-й штурмовой бригады проникли в зону, ограниченную защитными эмиттерами, по резервным коллекторам и каналам подачи компенсационного вещества.

По кодовому сигналу они начали операцию, имеющую целью захват центрального бункера управления эмиттерами, блокировку мятежников, засевавших в укреплениях вдоль пирса, и взятие под контроль периметра складского комплекса.

Однако в ходе операции большая часть командос перешла на сторону мятежников. Связь с командованием 45-й штурмовой бригады оказалась потеряна.

Одновременно со штурмом была предпринята попытка разбалансировать работы комп-систем мятежных судов, однако это полностью не удалось, и в 20.31 они открыли огонь по куполам главных эмиттеров и складскому комплексу.

После этого все суда мятежников произвели телепортацию в неизвестный район.

Пожар и последующий взрыв эмиттеров и складского комплекса не позволили определить примерную дистанцию и направление по остаточному возмущению силового поля.

В результате пожара и взрыва БФ Стигмарконт Галактический флот, Военно-транспортный флот Натоотваала понёс следующие потери:

- линкор 1-го класса «Герои Ститсвур»;
- линкоры 2-го класса «Оутгер», «Дош Гурдрин», «Рысс»;
- тяжёлый крейсер «Езера»;
- батарея береговой обороны «Крозис и Хуст»;
- 5 сторожевиков типа «Левур»;
- 11 тральщиков типа «Огайра»;
- 3 патрульных катера;
- 42 десантно-штурмовых судна тактического резерва 8-го флота и 45-й бригады;
- 312 вспомогательных судов;
- 203 средних танка «Софтер» и «Крот», 45 пехотных транспортера типа «Реом-08» (центральный склад);
- 42 самоходные аннигиляционные установки (ангар ВХ244);
- 122 сапёрные машины различных типов (ангар ВХ245);
- 35 самоходных эмиттер-ботов СЭБ-А-2 (ангар ВХ134);
- 53 боевых робота различных модификаций (хранилище 2);
- имущество, в том числе мегразин и компенсационные вещества 8, 15, 6 флотов 3-й Галактической директории (ангары ВХВ 240, 254, 233, 21, 267, 241, а также все ангары сектора ВХО);
- главные и вспомогательные эмиттеры БФ Стигмарконт;
- вся комп-система;
- все причальные пирсы;
- все ремдоки;
- все укрепления и укрытия, а также коммуникации с глубиной залегания до 2 Кер (Центральный и прилегающие к нему секторы);
- 1452 единицы убитыми;
- 211 единиц ранеными.

Из них высших офицеров флота – 4, среди них командир 45-й штурмовой бригады полковник ягд Рия Дрерх и комендант БФ Стигмарконт флот-командор ягд Дера Плоттех.

Без вести пропавшими числятся 991 единица живой силы.

В том числе – 54 офицера (среди них – штаб-командор ягд Кропор, возглавлявший отделение Главного штаба в Центральном секторе; ягд Тантарра, племянник командующего

Военно-транспортным флотом; ягд Тоот Шлокрист, дальний потомок по боковой линии маршала Тоота, и другие).

Установить их судьбу в настоящее время не представляется возможным.

XIV

В начале 12-й декады буй-маяк 24 шар-сектора А354Н45 сообщил о том, что транспортное судно К-34 маршрута Экнаим-Дистерна не прошло данный буй-маяк в расчётное время и на запросы не отвечает.

Предполагая, что транспорт мог быть захвачен мятежниками с целью получения оперативной информации из его комп-системы, в шар-сектор А354Н45 нуль-переходом была направлена ударная группа из 5 рейдеров резерва Верховного главнокомандования.

В ходе поисков транспорт был обнаружен идущим с сильным отклонением от курса по причине отказа основного и дублирующего энергетических агрегатов.

Комп-система транспорта также была неисправна, а пеленгационная система на судах этого устаревшего типа не захватывала сектор с радиусом больше 1 Тоба, что и явилось причиной потери его буй-маяком.

За истекший период ударная группа три раза направлялась в секторы системы Голубого Шлейфа по случаям, которые могли являться проявлением активности мятежников:

- перехват дискретошифрограммы на незарегистрированной частоте в шар-секторе А683В33 (зона активных боевых действий). Поиски результатов не дали;

- исчезновение патрульного катера 22-го сторожевого дивизиона 15-го флота. Столкновение с группой астероидов;

- взрыв минного поля у форта «Ихтенельд-101» в шар-секторе А786А01. Нападение рейдера Военно-галактических сил Империи Свертц.

Рейдер противника уничтожен в результате огневого контакта.

XXXI

В конце 19-й декады орбитальный буй-маяк ХХХ-86 сообщил о наличии на дистанции 45 Тобов от астероида типа Рест-2 (шар-сектор А683Х00) остаточного гравитационного возмущения интенсивностью в 150 Тэлл.

Несмотря на сильное влияние массы астероида, удалось определить общую относительную массу объекта, телепортировавшегося из этой точки, и конечную точку телепортации – шар-сектор 0009А85 в системе Всемогущего.

Ввиду того, что система Всемогущего находится в зоне крайнего разряжения Галактики и там имеются лишь посты стратегического контроля, удалённые друг от друга на дистанции до 2500 Тобов, и для экономии энергетических ресурсов флота в шар-сектор был направлен разведывательный зонд типа «Лаккон».

Совершив пять нуль-переходов, ориентируясь по остаточным полям неизвестных объектов, он сообщил точную относительную массу неизвестных объектов.

Она полностью соответствовала массе судов мятежников.

После этого сообщения в данный сектор была направлена ударная группа рейдеров в количестве 25 боевых судов и отдельный дивизион минных заградителей Базы Флота Флардерк...

XXXVI

В результате рейдер «Ранддот» обнаружил части броневой обшивки и двигательной установки.

Видимо, корабль был уничтожен после того, как его горючее было полностью израсходовано.

В тот же день была обнаружена группа судов, идущих на крейсерской скорости курсом на звезду Зиём.

Понимая нецелесообразность телепортации на дистанцию менее 12 Тохов, было организовано преследование с использованием маршевых двигателей, в котором приняли участие рейдеры ударной группы (всего семь рейдеров).

Настигнув противника у внешней планеты планетарной системы Зиёма, рейдеры открыли огонь на поражение.

В результате огневого контакта один из патрульных ботов получил повреждения и полностью потерял ход.

После того как рейдер «Ранддот» захватил его транспортировочным манипулятором, бот самоуничтожился, в результате чего защитное поле и броневая обшивка рейдера были пробиты.

Экипаж покинул рейдер на спасательных ботах.

Оставшиеся суда, пользуясь тем, что гравитация планеты крайне затруднила маневрирование рейдеров, вышли из-под перекрёстного огня и телепортировались в район 3-й планеты системы звезды Зиём.

По сообщению разведывательного зонда, при выходе из нуль-перехода линкор «Ститсвур» до половины корпуса совпал с поверхностью спутника планеты Зиём-03, его компенсатор вещества не справился с нагрузкой и он погиб вместе с экипажем.

До того момента, как рейдеры преследования крейсерской скоростью достигли Зиёма-03, беглецы, бросив второй из патрульных ботов, на рейдере «Деддер» вошли в атмосферу планеты и через некоторое время совершили посадку на континентальном плато.

Покинутый бот, находящийся, вероятнее всего, в режиме самоуничтожения, был уничтожен ядерными зарядами с предельной дистанции.

Планета была заблокирована рейдерами по меридиональным орбитам.

Как сообщил командующий операцией капитан-командор ягд Рест Рещер, все действия противника в системе Зиема говорят о том, что мегразин на исходе и его не хватает для телепортации за границу системы Всемогущего, в пояс полной разреженности, где практиче-

ски полное отсутствие гравитационных векторов не даст возможности определять дистанцию и направление телепортаций.

Однако сохранялась возможность достигнуть границ Галактики крейсерской скоростью.

После этого ягд Рещер направил в район посадки мятежников планетарный летательный аппарат типа ПЛА-4-Цонор с целью общей разведки.

После прохождения плотных слоев атмосферы разведчик был сбит.

Лок-сканеры, контролирующие его полёт, информировали, что ПЛА сбит из точки лесистого плато, где в тот момент никаких технических средств противника не находилось.

Второй разведчик также был сбит.

Далее привожу полностью отчёт капитан-коммандора ягда Реста Рещера о ходе операции «Возмездие»...

Натоот!

Командующий 5-м Флотом
3-й Галактической директории
флот-коммандор
ягд Йохум Апрехум

Глава 1. Золото конунга Гердрика

Лес, сухой и солнечный, торжественно возвышался на пологих холмах, между которыми прихотливо вился неглубокий ручей. Его журчание отдавалось под высокими кронами красных сосен, смешивалось с пением полуденных птиц, перестуком дятлов и возней бобров, строящих что-то около россыпи замшелых валунов.

Безмятежность этого утра нарушали лишь отдаленные удары топоров и хруст ветвей, ломаемых падающими стволами.

Иногда ветер приносил запах дыма, но стоило ему утихнуть, как звуки и запахи человека почти исчезали.

На небольшой поляне у ручья, среди клевера и перезревшей земляники гудели пчелы, взад-вперёд летали стрекозы.

Две сойки, затеяв непонятную игру, то пронеслись, едва не задев крыльями траву, то резко взмывали вверх, в поднебесье, туда, где августовское солнце из последних летних сил прожаривало обильные, плотные облака, готовя дождь.

На другой стороне поляны, среди кустов, осторожно пробиралась старая облезлая лиса, беспокойно вертя мохнатой мордой и двигая треугольниками ушей. Она разочарованно обнюхала заброшенную норку и, потянув влажными ноздрями смесь лесных запахов, насторожилась.

Невдалеке хрустнула сухая ветка. За плотными зарослями малинника что-то двигалось.

Лисица прижалась грязным белым брюхом к прошлогодней пожелтевшей хвое и повернула в ту сторону свою узкую морду. Чёрные бисеринки настороженных глаз различили две человеческие фигуры, идущие вдоль реки.

Два плечистых бородатых человека, одетые в одинаковые кожаные рубахи, увешанные оружием и походным скарбом, вышли на поляну и остановились. За их спинами горбачились громадные мешки из грубой рогожи, напряжённые лица были мокры от пота, а длинные волосы, схваченные на лбу вышитыми ремешками, слиплись и перепутались с чашобным сором.

Лисица юркнула в тень поваленного ветром вяза и осторожно засемила прочь от этого беспокойного места, подальше от запаха человеческого пота и дыма.

– Порази меня гром, если я смогу ступить ещё хоть десяток шагов. Отдых – вот что нужно, Вишена, – сказал один из вышедших на поляну и сбросил металлически брякнувший мешок на траву. – Эх, хорошо! – Быстро освободив грудь и живот от ремней, несущих ножи, широкий меч в кожаных ножнах, колчан с короткими стрелами, две сумы, флягу, рог для вина, мешочек с трупом и кремнём, стянув с себя рубаху, он, пробравшись сквозь кусты и осоку, плюхнулся в ручей. – Вишена, ты, каменный человек, иди сюда, смой с себя золотую пыль!

Тот, кто отзывался на имя Вишена, тоже сбросил свою ношу и с наслаждением распрямился.

Он был выше и мощнее своего попутчика, и его светлые волосы вились.

– Да, Эйнар, ещё солнце не прошло в зенит, а мы уже сдохли, как рыбы без воды. Вот что значит два года мотаться в ладье, без берега. Ноги быстро отвыкают от суши и идут нехотя. – Вишена воткнул рядом с мешком короткое, тяжёлое копье, пристроил рядом буковый лук и опустил на траву.

Эйнар, уже наплескавшись в холодной воде, отжал свою рыжую бороду и принялся набирать воду в небольшой кожаный мешок, пуская из него пузыри и отгоняя от его горловины головастые личинки:

– Иди, иди искупайся, чего застыл на месте, как идол?

– Это золотое барахло требует присмотра.

– Нашёл место, где присматривать. Да тут на день пути вокруг ни одной живой души нет. Дураки-дровосеки не в счёт. Ты что, Эйнар?

– Мне кажется, здесь кто-то есть. Кто-то следит за нами, – сказал Эйнар и потрогал янтарный амулет на шее. – Это земля стрелян. Здесь, у Журчащего Крапа, начинаются их владения.

Отец говорил мне, когда был жив, что это злое и многочисленное племя. У них много родов, которые постоянно враждуют между собой. Стреляне приносят богам человеческие жертвы и всегда убивают пленных. Самый жестокий народ в Гардарике.

– Ты вещаешь прямо как волх. – Эйнар ухмыльнулся, однако при этом начал косить глазами на валуны у поворота ручья, где ему почудилось лёгкое движение. – Нет, нет, это просто бобры строят свои хатки.

– Я не волх, просто мой отец долго жил рядом с ними. Он говорил, что стреляне не самые лучшие соседи. – Он всё ещё сжимал в кулаке свой амулет, чувствуя, как прохладный камень начинает теплеть.

– Ладно, это всё понятно. А вот с этим золотым барахлом нужно что-то решать. Так мы никогда не дойдём до Полоцка. – Эйнар пнул один из громадных мешков ногой. – Бродить по Гардарике с двумя кулями золота всё равно что проклинать Одина во время шторма. Из-за этого золота мы не можем двигаться ни по дороге, ни по реке, не можем просить ночлега в деревнях и на пристанях, не рискуя быть зарезанными во сне. В конце концов, это даже не наше золото. Мы дали клятву конунгу Гердрику сохранить сокровища для его дочерей, но не обещали таскать их по всему свету.

– Так ты что, Эйнар, предлагаешь всё бросить тут? – Приподнявшись на локте, Вишена вытащил из-за пояса короткий кривой нож и принялся хмуро осматривать его рукоятку в виде головы чёрта, вырезанную искусным мастером из моржовой кости. – Для того ли мы бились со своими бывшими соратниками и убили троих, а потом три недели шли по болотам и чащобам? Ты видишь этот нож, Эйнар? Это нож Гуттбранна, с которым мы были почти братьями. Мы защищали друг друга в бою и делили пищу. А потом Гуттбранн всадил этот клинок мне в спину. Рубец под правой лопаткой ещё не зажил.

– Опять говоришь, как сагу слагаешь. В твоей голове всё перепуталось. Бросать золото не нужно. Его нужно спрятать. Закопаем, заметим место, а когда в Страйборге всё уляжется, вернёмся туда, возьмем людей Гердрика и выкопаем.

– Так не получится. Если мы вернёмся в Страйборг с пустыми руками, нас назовут ворами. Нам никто не поверит.

– Пусть только попробуют. Я им всем руки поотрубаяю. – Эйнар блеснул глазами, потряс большим кулаком. – Тогда подумай, что мы скажем Ятвяге, когда приедем в Полоцк. Мы, мол, Эйнар Рось и Вишена Стрелянин, хотим вступить в твою дружину и быть твоей рукой и мечом, мы – это всё, что осталось от дружины славного конунга Гердрика из Страйборга, убитого своим братом Эддли. С нами его военная добыча из последних походов на бриттов, которую мы поклялись перед смертью конунга передать его дочерям, Хельге и Тюре. Пусть оно, о славный король Ятвяга, пока полежит в твоей клетке, а через лето мы доставим золото обратно в Страйборг. Так, Вишена?

– Да, ты прав... Прав, – тяжело вздохнул Вишена. – В первом же бою люди Ятвяги всадят нам в спины по стреле, и тогда золото будет по праву принадлежать ему и его дружине. Нельзя к нему идти с золотом.

– Понял, да? И в Страйборг вернуться нельзя, пока правит Эддли. И нужно время, чтобы старый Олаф установил там порядок и мир. – Эйнар наклонился к одному из мешков, с помощью зубов развязал тугий узел на горловине и извлёк золотое блюдо с тонкой резьбой на кайме.

Залюбовался.

Нехотя положил на траву.

Затем поочерёдно начал извлекать из мешка блюда, чаши, связки колец и браслетов. Пригоршни блях, гребней, заколок, россыпи серёг, монет, слитков, мотки золотой проволоки, горсти жемчуга, рубинов, изумрудов, коробочки молотого перца и гвоздики были разложены на траве и играли солнечными бликами.

Содержимое второго мешка было почти таким же.

Груда золота мерцала, будто настоящий тлеющий жёлтый огонь.

– Богатство. Интересно, что можно купить за это? – Лицо Эйнара приобрело мечтательное выражение.

– Что угодно.

– Странно, Вишена... Викинг ходит в походы, чтобы добыть золото мечом, обманом или торговлей, а дальше? Что он будет покупать? У него всё есть. Одежда взята у врага или сшита рабами, припасы дают захваченные суда. Ладья его дом, меч его плуг. Женщины любят его за храбрость и силу. Так зачем конунгам столько золота? Только чтоб купить себе право спокойной зимовки, где-нибудь в фиордах Эльсейвена.

– Золото – это власть. Можно нанять целую дружину саксов или данов и бросить их на врага, а самому греться у очага и есть жареную оленину. Можно заказать у наших мастеров самую лучшую одежду из заморских тканей и самые острые клинки. Можно построить целую уйму ладей и идти в любой поход. И взять богатую добычу, – воодушевлённо заговорил Вишена, в глазах его появился стальной отблеск.

– То есть опять брать золото, вино, пряности, ткани и рабов. Видишь, Вишена, как странно получается. Золото нужно для того, чтобы получить ещё больше золота, а потом сидеть перед огнём и жрать куропаток с клюквой. Я всегда говорил, что богатство делает из свободного викинга жалкого хёвдинга. Превращает славного воина в жирного, жадного барсука, который трясётся над своими сараями и бабами. И пусть ему перед смертью вложат в руки меч, ему никогда не пировать у Одина! Богатство хорошо в тот момент, когда его добываешь. Вот что я скажу. – Эйнар вытащил меч из ножен и с силой вонзил его в траву, срезал небольшой участок дёрна и принялся рыхлить землю.

Через некоторое время Вишена присоединился к нему, отгребая сырой грунт большим серебряным кубком. Почти сразу под дёрном оказался песок. Работа пошла быстрее.

Растревоженные земляные осы, недовольно жужжа, закружили над ямой и потными спинами, но, убедившись, что их гнезду ничего не угрожает, занялись мелкими личинками, вывернутыми вместе с дёрном.

Невдалеке, с шумом ломая кустарник, чинно прошёл лось, выскивая молодые сочные веточки. Он искоса поглядел на копошащихся на поляне людей, сощурился от солнечных бликов и двинулся дальше.

– Готово, Эйнар. Копать глубже нет смысла. – Стоя по пояс в яме, Вишена кинул себе под ноги пустой мешок, разровнял его и стал осторожно складывать сверху золотые предметы.

Эйнар помогал ему, без особых церемоний ссыпая пригоршни браслетов и колец.

Когда они покончили с этим, зарыли яму, уложили сверху дёрн, сбросили лишнюю землю в ручей и осмотрелись, запоминая окружающие предметы и раздумывая, какую и где оставить вежу, на другой стороне ручья, на пригорке, появился человек. Он отделился от ствола толстой сосны и неподвижно застыл, глядя в их сторону.

Он был высок ростом, узок лицом, в длинной белой рубахе с плотной вышивкой на воротнике и подоле, с плеч его падал зеленоватого оттенка плащ, из-за широкой повязки, стягивающей волосы, торчали в разные стороны несколько узких перьев, какие-то веточки и ленты.

В руках человека был посох, украшенный мелкой резьбой, а из-под плаща торчала рукоять меча.

Эйна́р и Ви́шена некоторое время разглядывали его изумлённо, затем переглянулись и оба медленно привстали, нащупывая оружие, не сводя глаз с незнакомца.

При этом Эйнар ещё пытался справиться с браслетом, прихваченным из золотой кучи и теперь застрявшим на руке поперёк ладони, не дойдя до запястья.

Они сразу уверились, что человек видел, как прятали сокровище.

Это было некстати.

Незнакомец смотрел в их сторону и странно улыбался.

Всё это продолжалось некоторое время, пока Вишена не сделал шаг.

Человек быстро зашёл за ствол сосны и исчез, словно сквозь землю провалился.

Воины бросились на пригорок, к этому месту, топчя блёклые лесные цветы и поднимая фонтаны холодных брызг. Над ними закружились встревоженные птицы, бобры испуганно шарахнулись к своим убежищам.

Первым достигнув цели, Вишена растерянно заметался, закружился на месте, пытаясь одним взглядом охватить и окружающий лес, и небо, и укрытую старой хвоей землю.

Ничего. Ни следов, ни примет, ни звуков.

Он в сердцах рубанул сосну мечом. Посыпалась кора.

Подоспевший Эйнар с досадой сказал:

– Порази меня молот Тора, он только что был тут! – Он облокотился плечом о сосну. – Странно, куда он мог деться?

– Даже если мы сейчас перепрячем золото, он может выследить нас и приведёт сюда своих. – Вишена посерел от огорчения и вдруг протянул руку. – Или мне мерещится, или это он! Эйнар, там, гляди!

– Скорее! – Эйнар сорвался с места и понёсся в ту сторону, где среди стволов угадывался высокий белый силуэт.

Бросившись за ним, Вишена больше не глядел под ноги, а старался проследить направление возможного движения врага.

Станный человек пропал так же неожиданно, как и появился в первый раз.

Воины потоптались в кустах орешника, в ярости изрубили множество ветвей и, злые и утомлённые, побрели к ручью.

Теперь золото нужно было выкапывать и уносить отсюда подальше.

– Может, это призрак, дух здешних мест? – нерешительно спросил Эйнар.

В это мгновение невдалеке кто-то коротко произнёс:

– Ничего, эти пришлые не имеют глаз, они скоро уйдут.

Вишена с трудом разобрал незнакомое славянское наречие, силясь вникнуть в смысл, а Эйнар кинулся на голос, но снова никого не нашёл.

Его злобный и раздосадованный вопль долго витал эхом над кронами сосен.

Странная погоня возобновилась ещё раз, прервавшись ненадолго, когда тёплый ливень закрыл всё вокруг завесой воды, а прекратилась она лишь в сумерках, когда уже было невозможно отличить человека от куста или дерева.

Когда Эйнар и Вишена приплелись обратно, к тому месту, где бросили свои пожитки и вышли на пригорок, рядом с россыпью валунов, они не нашли ни бобровых хаток, ни сосны, на которой должна была остаться зарубка от меча Вишены, – ничего.

Они заблудились.

Глава 2. Стреляне

Перед доминой, сложенной из сажённых сосновых брёвен, вдоль частокола на земляном валу, колыхалась, гудела и бряцала оружием толпа, состоящая из косматых мужчин, одетых в шкуры и грубые льняные рубахи.

Всё выглядело так, словно они собрались в долгий поход.

Они слушали отрывистые фразы, которые зло выкрикивал огромный мужчина, почти великан:

– Мы долго терпели этого колдуна с Медведь-горы, мы не запрещали ему охотиться в нашем лесу и жить на нашей земле... Мы меняли драгоценное пшено и ячмень на его никчёмные железки. – Он сорвал с себя украшение – маленькую блестящую фигурку.

Широким жестом замахнулся, будто собираясь зашвырнуть за деревянный тын, но не бросил и продолжал, размахивая ею, как кастетом:

– А он пользовался нашей добротой и творил свои чёрные дела. Из-за его соседства пшено и ячмень перестали родиться, овёс умер совсем. Рабы и свободные не успевают сечь лес для новых полей и умирают от болезней. Борти перестали медоносить, а дичь стала пугливой. Я, Претич, сын Малка, говорю вам, сородичи, что много раз видел, как ночью за тыном бродит и играет нечисть! Наши волхи могут это подтвердить!

Толпа взревела, соглашаясь, а стоящие чуть поодаль волхи закивали рысьими шапками, украшенными острыми козьими рогами и бронзовыми бляхами. Самые молодые из них ощерились, как волки.

– Волхи. – Претич повернулся к ним. – Они гадали вчера над куриными потрохами и вывели у Матери-Рыси, что те чёрные круги на ячменном поле – порча, которую навёл ненавистный колдун на нас, и не будет нам теперь продыха и покоя. А ещё скажу, что идёт сюда Стовов, князь Каменной Ладogi, со своими мечниками, разгневанный за укрытого нами колдуна...

Толпа снова заревела, послышались яростные крики:

– Убить его!

– Разодрать меж двух осин!

– За мной, мы должны избавиться от него! – заключил Претич и тяжело спрыгнул вниз.

– Убить колдуна – значит навлечь проклятие на себя и своих детей, – неожиданно сказал охотник в накидке из волчьей шкуры и шапке из головы волка.

Стоящий рядом с ним юноша робко заметил:

– А кто будет потом лечить от лихоманки мою мать? Волхи сказали – умрёт, а Рагдай сказал, что вылечит.

Стреляне умолкли, только убогий дурачок Лочко в изодранных портах месил заскорузлыми пятками пыль около дымящейся кузницы и возбуждённо голосил:

– Леший, владыка леса, не води меня по чащобе, а то я подпалю твою зелёную шерсть!

– Мы сожжём его, Оря. – Претич хлопнул охотника в волчьей шкуре по плечу и закричал во всю мочь, так что лес содрогнулся: – Мы сожжём колдуна в его убежище!

– Он живёт в горе, – заметил Оря. – Гора не горит.

Один из волхов сделал знак, и из усыпальницы Матери-Рыси, низкого строения, до самой крыши присыпанного землёй, бережно вынесли массивный резной шест, выкрашенный красным соком багульника.

Шест был увенчан искусным чучелом рыси, держащим на лапах ворона.

Один из волхов запел зычным голосом:
– Шивзда, вимзла, каланда, миногами! Ийда, ийда, якутилима ми!
Стребяне приветствовали свою Мать-Рысь криками и топотом.

Они принялись подпевать волхву, и вскоре над селением повис, заколыхался ужасающий вой.

Претич, получив таким образом одобрение волхов, начал готовиться к выступлению, хотя часть воинов сгрудилась вокруг хмурого Ори, который всем своим видом выказывал явное нежелание идти на колдуна, но не собирался расставаться с золотой нагрудной гривной вождя, с изображением рыси и ворона.

Из загонов остальные стреляне вывели две пары волов, навьючили их торбами с припасами, а также тушками ягнят, собираясь сжечь их вместе с колдуном, чтобы умиловить здешнюю лесную нечисть. Затем они сложили свои копья, палицы, ножи и луки в кучу и, приплясывая, произнесли над ними заклинание.

После того как оружие было заговорено, женщины и дети получили разрешение выйти из домов.

Они, как положено, с плачем и причитаниями провожали своих мужей, сыновей, братьев.

– Ну что ж, настоящие воины уходят, а трусы и рабы остаются! – заглушая всех, изрёк Претич, взял свою дубовую палицу, утыканную железными шипами, и гордо приосанился. Затем он нахлобучил на голову кованую шапку с рогами зубра, вроде тех, что носили воины-полтески, и развернулся в сторону, где до сих пор стояли сторонники Ори: – Тот, кто идёт против воли своего рода, должен заплатить кровью! – Претич, не дождавшись ответа, поднял и раскрутил над головой палицу. Воздух наполнился свистом.

– Выходи на поединок!

– Твой удел, Претич, меня не прельщает, – выступил вперёд Оря.

Его глаза недобро светились, и, казалось, волчья пасть шапки ощерилась, а шерсть встала дыбом.

Он вытащил из-за пояса длинный кривой нож:

– Не знаю, как ты убедил волхов, но уходить из Дорогобужа сейчас нельзя, раз сюда идёт Стовов. Я и верные мне воины уходим сейчас, но не на колдуна, с которым лучше разобраться по-доброму, а в лес Спирк, устраивать засеки на тропах и охранять брод у Трёх Дубов, на пути врага.

– И резали бойцы друг друга, и от них остались только кусочки, и Мать Матерей, подобрала пятку славного Хорива, вырезала из него первого стрелянина, – вдруг заорал в напряжённой тишине Лочко. – А кого вырежут из твоей пятки, Претич, сын Малка?

Кто-то из охотников запустил в Лочко камнем, и тот, потирая ушибленную ногу, уполз в клеть кузнеца.

Претич начал грозно наступать на Орю, помахивая палицей.

Его подбадривали:

– Убей его, Претич!

– Он трус, даже жену взял из тихой жмуди, чтоб она его не била!

Противники сошлись, и оружие несколько раз мелькнуло в воздухе, но один из волхов поднёс к губам рог и пронзительно затрубил.

Потом он поднял обе руки к небу и торжественно изрёк:

– Мне только что было видение. Дажьбог и Мать-Рысь шли вместе и потом сказали: «Быть у детей наших по две руки, а у стрел их по два конца».

Так пусть каждый идёт на своего врага! А после победы должна быть принесена обильная жертва и кумиры Волзева капища натёрты кровью врагов! – Волх степенно подошёл к тяжело дышавшим противникам и, словно крылья, распахнул полы своего расшитого бусами и бляхами плаща. – А сейчас клянитесь друг другу в вечной дружбе, иначе проклятие богов и предков ваших падет на ваши головы!

Оря нехотя, но послушно всадил свой нож в землю, а Претич, тяжело дыша, вбил рядом палицу, после чего оба поклялись своим оружием, что никогда не замыслят против сородича ничего дурного.

Когда они после этого душили друг друга в объятиях, дурачок Лочко выбежал из кузницы, ткнул пальцем в небо и рассмеялся своим обычным смехом, от которого женщины всегда приходили в трепет, а свиньи и козы начинали беситься в загонах:

– Ястребам и курам, соколам и гусям надоело летать поодиночке, и они превратились в одну большую птицу! Кто собьёт её стрелой, тот увидит, как разверзнется хлябь небесная!

Гигантская тень пронеслась над Дорогобужем, мелькнула в расширенных от ужаса глазах стрелян.

Они мигнула им зелёными и красными зрачками и скрылась за дымом, стоящим над холмами, около которых догорал участок леса под новую пашню.

– Дажьбог и Перун снова послали нам своего вестника, чёрного змея Валдуту! – крикнул Оря. – Нас ждёт удача в бою!

После этого округу потряс ужасающий грохот, словно десяток громов пронеслись вдогонку за змеем Валдутой.

Все словно оглохли и окаменели.

Только крик невидимого дозорного с вершук сосен вывел всех из оцепенения:

– Вижу у Трёх Дубов дымы! Вижу дымы! Это знак!

– Стовов идёт, ждать больше нельзя, – сказал Оря и выдернул из земли нож.

Тяжёлые воротины были немедленно раскрыты, разнесены в стороны, и оба отряда, под звуки рога и бубнов, выступили из селения.

Перед тем как земляной вал и частокол Дорогобужа исчез за стволами деревьев, Претич обернулся и цепким взглядом выхватил среди воинов, уходящих в противоположном направлении, волчью накидку Ори:

– В Дорогобуже будет один вождь. И это буду я!

– Эй, кто там? – неожиданно насторожился охотник с тяжёлой острогой, шедший рядом.

За стеной крапивы пригнувшись пробежал худой человек с повязкой на бёдрах вместо одежды.

Двое стрелян пустили ему вслед по стреле, но не попали.

– Вот он где прячется, это же мой раб Искусеви-чудин! – огорчился охотник с острогой. – Я его требухой кормил, как хряка, а он, неблагодарный, сбежал!

– Да, Ута, нужно было перерезать ему сухожилия на ногах, чтобы не мог бежать, или принести в жертву Волосу или Рыси, – ответил один из стрелков, опуская лук. – Теперь не догонишь. Чудины бегают быстро. Стрела в следующий раз догонит... – Он хрипло рассмеялся.

– Правильно, когда вернусь, кого-то из рабов выпотрошу на капище, глядишь, и даст мне Волос наконец ребёнка, – кивнул Ута, и они двинулись вслед за остальными. – Интересно, у этого колдуна есть что взять?

Но через несколько сотен шагов у оврага на воинов Претича наткнулся вестник из стрелянского селения Буйце. Он сообщил, что его сородичи под началом Щека выступили к Трёх Дубам, куда уже подошли мечники князя. Стовов собирался мстить за то, что стреляне отказались платить виру, посчитав её большой, и убили в прошлое лето его вирников.

– А вы куда идёте? – спросил гонец, недоумённо оглядывая хмурые лица охотников. – Странно, бой-то в другой стороне!

– Прочь с дороги! – сквозь зубы сказал Претич и толкнул вестника в грудь, отчего тот повалился и застрял где-то на полпути к дну заросшего оврага. – Идите все за мной, боги не простят ослушания!

Стреляне молча двинулись дальше.

Они миновали заброшенный пал, по насту из хвороста перешли через болотце, оглашаемое зловещими криками выпи, прошли полосу сплошной засеки, образующей поперёк тропы и чащи непроходимый для конного воина рубеж, и вошли под своды соснового леса, в самом конце которого пряталось убежище колдуна.

За этим лесом начинались заповедные земли, никем не заселённые, дремучие и опасные. Там в изобилии водилась непуганая дичь, зверь и рыба, гнездилась нечисть, постепенно теснимая лесными народами и их богами на северо-запад.

Дальше, говорят, жили лютичи, потом начиналась Лядьская земля, потом Швабская, а ещё дальше, на краю Земли, жили чародеи, которые ели человеческое мясо, водили дружбу с великанами и горными духами и ещё кормили летающих змеев юными девушками.

Сделав короткий привал у ручья Бурчащий Крап, стреляне в сумерках вышли на Каменное поле, большую ровную песчаную поляну, на которой в стародавние времена из больших и малых камней был выложен лабиринт, оканчивающийся в середине семью высокими каменными столбами, похожими на клыки медведя.

Отсюда до Медведь-горы было недалеко, несколько полётов стрелы. Она уже проглядывала сквозь деревья, похожая на спину закопанного великана.

Один из охотников, опасливо оглядываясь по сторонам, воткнул в каменистую землю небольшой шест с вырезанными рысиными следами.

Вокруг шеста была сложена поклажа и быстро сооружены пять шалашей.

– Костёр разводить не будем! – наказал Претич, вслушиваясь в уханье филинов и неясный, далёкий гул. – С первой зарёй окружим логово колдуна и покончим с ним. А сейчас Ута, Переплут и Жидята пойдут со мной. Нужно разведать гору...

– Поглоти тебя земля, разрази тебя громом Перун! – крикнул старый стрелянин, сидящий выше всех на большом гранитном валуне.

В глубине леса быстро промелькнуло среди ветвей что-то бесформенное, громадное, мохнатое. Над Каменным полем раздался леденящий, нечеловеческий смех и какие-то невнятные причитания.

– Лешак балует, – холодея, прошептал Жидята и два раза повернулся вокруг себя. – О вимла, дам юхала, кумара. Сгинь!

Остальные охотники быстро проделали то же самое.

Нечто побродило вокруг поляны, крича на разные голоса, и пропало так же неожиданно, как и появилось.

– Пошли. Нечисть сама собой, Медведь-гора сама собой, – отчего-то зло сказал Претич и, подумав, отложил палицу, взяв вместо неё толстую рогатину.

Он попробовал пальцем железный рог и удовлетворённо хмыкнул.

Не успели лазутчики сделать и десятка шагов, как на другом конце песчаной поляны появились два вооружённых воина в кожаных рубахах.

Они сжимали рукояти обнажённых обоюдоострых мечей.

Увидев стрелян, воины остановились.

Тот, что был выше, с белыми, цвета соломы бородой и волосами, тихо сказал по-варяжски:

– Ну и денёк сегодня, Эйнар. Сначала потеряли золото Гердрика, нас чуть не задрал медведь, потом над головами летали огнедышащие гады, а теперь, посмотри-ка, видно, стреляне пришли по наши души. Я могу поклясться своей бородой, что, кроме этих четверых, за теми камнями сидит целая толпа.

– Если эти оборванцы, нас убьют, валькирии побрезгуют взять нас, а если сослепу подберут, то Один будет вечно издеваться над нами, и нам достанутся лишь объедки с его стола, – так же тихо ответил Эйнар и уже громко добавил на ломаном словенском: – Эй, убирайтесь отсюда, это наша поляна, и мы тут будем ночевать. Иначе мы вас всех перережем!

– Чужеземцы, бросьте оружие на землю и подойдите ближе! – не поняв ни слова, прорычал Претич и угрожающе поднял рогатину. – Иначе ваши головы будут насажены на клыки Матери-Рыси, а кровь впитается в песок нашего капища!

– Надо бы поменьше шума, клянусь рукой Велеса, – шепнул вождю седобородый Переплут и вынул из-за спины толстый лук. – Как бы нам не спугнуть колдуна. Логово его совсем рядом.

Тишину сохранить не удалось.

Заорав так, что дрогнули сосны, варяги бросились на врага.

Уклонившись от стрел, Эйнар ударил ближайшего стрелка мечом наискось, и Переплут только чудом успел защититься луком.

Однако лезвие, перерубив его посередине, всё-таки ударило стрелянина по ключице. Хрустнула кость.

Переплут упал навзничь.

Добивать его Эйнар не стал – ему в голову неслось остриё остроги.

Уклонившись от не очень резкого выпада Уты, варяг ударил сверху и с удивлением обнаружил, что противник умело увернулся.

Началась затейливая, опасная борьба, в ходе которой Эйнару приходилось ещё и уворачиваться от палицы Жидяты, второго противника, оказавшегося, на удивление, не таким проворным.

В это время Вишена сшибся с гигантом Претичем. Тот метнул рогатину с такой силой, что она, просвистев в воздухе, расколола надвое молодую сосну.

Затем раздосадованный Претич вытянул из-за пояса длинный нож.

– Я тебя выпотрошу, как лося! – Он подался вперёд и ударил.

Скрестившиеся клинки высекли сноп искр.

Последовал обмен быстрыми ударами, секущими воздух.

Вскоре Вишена без особого труда заставил гиганта только уклоняться от его ударов и отступать.

Оттеснив его таким образом к низкой наружной стенке лабиринта, он ждал, что стрелянин, пятась, вот-вот упадёт на спину.

Утомлённый Претич несколько раз споткнулся.

Эйнар тем временем коротким ударом разрубил грудь Жидяты и начал теснить Уту.

Только тут остальные стреляне догадались обойти лабиринт и с гиканьем и воем бросились на помощь своим. При этом они без разбора осыпали сражающихся градом стрел и копий.

Одно копьё добило пытающегося встать Переплута.

Две стрелы достались Эйнару. И обе угодили в его левое бедро.

– Вишена, беги! – крикнул он, падая на колено и поднимая над головой меч, собираясь, как видно, драться до последней возможности.

На его счастье, Ута вдруг выронил острогу и присел, опасаясь новых стрел своих соплеменников, Вишена собрался, нанёс резкий удар, метя в лицо противнику. Претич отпрянул и наконец, отступив ещё на один шаг, упал.

Вишена сунул меч в ножны, проворно поднял Эйнара на руки и бросился в заросли орешника.

Ломая кусты и моля Одина о том, чтобы не споткнуться в полутьме, он слышал вокруг свист стрел, их шелест и постукивание о ветви.

Сзади донёсся вопль Претича:

– Не упустите их! Убейте! Убейте!

Стреляне с треском ломались следом, яростно крича.

Они были совсем близко, и Вишена, чувствуя, как теряет силы, уже слышал за спиной их хриплые голоса, когда ему наперерез бросился почти голый человек, горячо зашептав поваряжски: «Сюда, здесь есть укрытие». И увлѣк его за собой.

Они втроѣм рухнули в вонючую нору, пропахшую волчьим выводком, а погоня пронеслась над самыми их головами.

После этого наверху начало происходить что-то странное.

Сначала стреляне, поняв, что беглецы затаились неподалѣку, зажгли факелы и начали шарить вокруг. Потом послышался медвежий рѣв, словно сотни медведей окружили это место, и стреляне начали выкрикивать свои заклинания и стрелять из луков.

Осторожно выглянув из убежища, Вишена различил среди стволов какие-то неясные тени, пляшущие в отблесках факелов и стрелян, сбившихся в кучу, ошестинившуюся копьями. Они медленно пятились назад к каменному полю, громко призывая Мать-Рысь.

Вишена съехал обратно на дно норы и вопросительно уставился на спасителя.

Тот поспешил сказать:

– Я из народа чудь. Был рабом, но бежал сегодня из Дорогобужа.

– О Один Всемогущий, – с трудом выговорил Эйнар, стараясь казаться бодрым. – Ты, коварный Вишена, убеждал меня, что тут места пустынные и безлюдные, а здесь народу словно на торге в Страйборге. Под каждым кустом по человеку.

Вишена тихо рассмеялся и сжал в кулаке янтарный оберег...

Глава 3. Гон следа

Крупы лошадей были влажными от пота и утреннего тумана.

Украшенная металлическими бляхами сбруя мерно позвякивала в такт гулким ударам множества подкованных копыт об утопанную землю.

Некоторые всадники дремали в сёдлах, отпустив поводья и закинув за спину узкие каплеобразные щиты, на которых по красному полю были грубо намалёваны хищные птицы с головами медведей.

Ветви деревьев и кустов, обступивших узкую тропу, задевали торбы, притороченные к седлам, панцири из толстой воловьей кожи и грубые пеньки с вплетёнными железными кольцами и пластинами, сбрасывали росу на узловатые палицы, узкие топоры на длинных топорщах, шипастые кистени, длинные мечи, копья с тяжёлыми наконечниками, связки сулиц и оперения стрел.

Всадники растянулись на две сотни шагов.

За ними ехали две нудно скрипящие подводы, на которых поверх припасов спали с храпом и присвистом люди в холщовых рубахах, в обнимку кто с дубиной, кто с заточенным колом с обожжённым на костре остриём.

Возницы хлестали волов и ругались сквозь зубы, когда сонные животные пытались на ходу рвать сочную рослую траву.

Рядом с повозками плёлся тщедушный человек, весь забрызганный чёрным, с лоханью у живота, и время от времени лыковой кистью плескал чёрный дёготь то за одно, то за другое колесо повозок, на оси колёс.

Впереди, обогнав всех на полсотни шагов, двигался дозор.

Широкоплечие, рослые всадники настороженно всматривались в туман, вслушивались в шорохи, тихо переговаривались:

– Я понимаю, раз стреляне отказались платить виру и зарезали Кадуя, их нужно карать, но зачем Стовов выбрал такое время? Слышишь меня, Телей?

– Да, Тороп, странно. Брусника созрела, значит, пора овёс снимать. А мы вместо этого след гоним. Подождали бы до осени. Или нужно было в месяц сечень ударить. – Похлопав коня между ушами, Телей добавил: – Это всё Решма воду мутит. А князь с Шинком его слушают.

– Глупые стреляне, – сделав вид, что не слышал суждения о Решме, сказал Тороп. – Дань-то была совсем малая. Всего одна чёрная куница с дыма. У них охотники зараз из облавы по десятку, наверное, приносят. Зато князь помог бы им с Ятвягой Полоцким уговориться.

– Да чего им Ятвяга. Он раз в году наскочит, так они скарб соберут, жито в ямы попрячут и со своей скотиной уйдут за Волотово болото. Ищи их. А там места дремучие. Лешие там, говорят, на каждом суку сидят. – Телей потрогал оберег из медвежьих клыков на шее, проверяя, на месте ли. – Слушай, а что же это было? Вчера на ночь встали?

– Решма говорил, что это планида Тумак летала над лесом. Её Стрибог послал, разгневанный на стрелян за кудесника. – Тороп, натянув повод, остановил коня и, перегнувшись вперёд, через его шею потыкал копьём листву на тропе. – Чего-то мне не нравится это место. Земля будто свежетронутая.

– Вечно ты страхами полон. Стреляне, проведав, что Стовов идёт, зажгли свои тревожные костры и, обмочившись в штаны, ушли за Волотово болото. – Телей решительно тронул коня и, объехав Торопа, оказался меж двух старых ясеней. – Я помню, когда в прошлый месяц травень на Водопол...

Договорить он не успел.

Сплетённые ивовые прутья, присыпанные землёй и прошлогодними листьями, провалились, и над лесом раздалось истошное ржание коня и вопль человека, напоравшихся на дне медвежьей ямы на остро заточенные колья.

Телей некоторое время был ещё жив.

Истекающий кровью, он хватал руками кол, насквозь пробивший его живот, хрипел и силился поднять голову вверх к небу.

Когда к краю ловушки подскакали Стовов и Решма, бьющийся в конвульсиях конь прервал его мучения, ударом копыта разбив голову.

– Проклятые сыроеды! Трусливые черви! – заскрежетал зубами Стовов, заглядывая в забрызганную кровью яму. – За каждого своего мечника я буду закапывать их живьём! Ну, чего уставился, Тороп? Вперёд! – Он вздыбил коня. – А Телея давайте хороните теперь...

Тороп шарахнулся дальше по тропе, освободил князю объезд и тут же натолкнулся на плотный завал из толстых стволов:

– Засака, дальше пути нет!

– Берите топоры, рубите, растаскивайте, кидайте в яму! – привстав в стременах, закричал Стовов. – Живее!

Воины сгрудились в кучу, унимая коней, которые не давали возможности смердам и рабам, прыгнувшим с повозок, подойти к завалу.

– Ну и бестолковая же у тебя челядь, Стовов, – тихо сказал Решма, глядя, как суетятся на одном месте люди князя. – Морока с ними! Пожалел золота, не нанял варягов. И что? Теперь вой с этими смердами. Их только в могиле жечь. Куда дел те гривны, что я на Водопол привозил? Затырил?

– Ну почему смердами? Вот Шинок, опытный воевода, опять же трое варягов Сигун, Ацур и Борн, – стараясь скрыть смущение, ответил князь.

Решма ответил острым взглядом глубоких, пугающих глаз. Князь старался лишней раз не глядеть ему в лицо... хотя что тут особенного? Маленький впалый рот, громадный, начинающийся между бровями нос, высокий лоб.

Решма потрогал гладковыбритый подбородок и обернулся к Шинку, дородному старику, орущему на смердов и рабов:

– Воевода, отправь лазутчиков к Стоходу. Пусть осмотрят всё у брода. Я чую, что там нас уже ждут.

Шинок потрянул длинной бородой:

– Хорошо. Эй! Ломонос и Скавыка, сюда!

Затюкали топоры, затрещали ветки.

Распрягли волов, накинув им на рога петли, начали растаскивать стволы и крупные сучья. Туман уже рассеялся, и сквозь кроны деревьев теперь просматривалось серое небо, затянутое облаками.

Несколько крупных, чёрных как смоль воронов кружились над завалом.

Где-то совсем недалеко что-то завывало, тоскливо и жутко.

– Говорили мне волхи в Каменной Ладого, отложить нужно поход, в куриной печени червоточины, трава тирлич тонет в козьем молоке, Плакун-камень не теплеет от огня. – Князь завернулся в плащ. – Может, отложим поход? Сдался тебе этот кудесник с Медведь-горы...

– Мне он нужен. Живой или мёртвый. Лучше мёртвый, – сказал Решма, и его лицо сделалось каменным. – Мне *нужна* эта земля. Стовов, *нужна*. Если ты не возьмешь её, клянусь, я найму варягов или ланов и сам сломаю стрелян.

– Я... – Стовов замаялся.

В который раз этот странный Решма, назвавшийся купцом, ходившим в Царьград и далеко на Восток, в землю гуннов, говорил с ним так.

Князь оглянулся, не слышит ли их кто-нибудь из челяди.

Нет, все заняты завалом.

Он, Стовов, перед ним все трепещут... а Решму приблизил к себе настолько, что волхи Каменной Ладogi предрекли проклятие Дажьбога... Он слушает все его советы, похожие на приказы. Иногда Стовову хотелось задушить, располовинить его ударом меча, но, когда крик уже был готов вырваться из мощной глотки, а рука хваталась за меч, язык прилипал к нёбу, а тело обессилевало.

Он был явно кудесник, этот купец из Дорогобужа.

Опасный, сильный, богатый.

– Планида Тумак висит над твоей головой, Стовов. Не гневи посланца Хорса, – ухмыльнулся Решма и двинул коня к готовому проходу в засеку, к которому вернулись, тяжело дыша, Ломонос и Скавыка:

– Стреблян у Трёх Дубов нет.

– Нашли их сторожевое гнездо на сосне, с углями от тревожного костра. Брод свободен.

– Нам сопутствует удача. Дажьбог получил хорошие подарки и лишил стрелян мужества. Они не защищают свои засеки и брод! – проревел Шинок и, пустив коня рысью, двинул дальше, призывая остальных: – За мной!

Десяток воинов, уже сидевших в седлах, последовали за ним.

– Я иду сразу на Дорогобуж, князь. Ещё до заката голова Ори Стреблянина будет насажена на копьё! – крикнул он напоследок.

– Сброд, а не дружина, – невесело улыбнулся Решма и отъехал в сторону, пропуская к неглубокой свежеврытой могиле двоих рабов, несущих тело Теляя.

Рабы опустили тело в могилу, положив сверху меч, щит, горшочек с мёдом и мешочек овса, запасные мягкие сапоги, моток верёвки и глиняную плошку с топлёным жиром и фитилем, для освещения пути в царство мёртвых.

Затем могила была засыпана и привалена несколькими крупными камнями, для того чтобы дикие звери не смогли её разорить.

К полудню, потеряв ещё двух воинов в медвежьих ямах и лишившись пары волов, поломавших ноги на крутом спуске, дружина Стовова вышла к броду через Стоход у Трёх Дубов.

Широкая, полноводная река, способная пропустить через себя три гружёные ладьи, идущие бок о бок, в этом месте круто поворачивала на запад, образуя широкую излучину, и резко мелела.

Сквозь два локтя прозрачной воды просматривалось каменистое дно, поросшее длинными водорослями, которые шевелились по-змеиному и тянулись вслед убегающей волне.

Плотва и форель шарахались среди этих водных растений, спасаясь от щук, вылетающих на мелководье из-под застрявших в омуте рядом с противоположным берегом коряг.

Тут же весело играли две сытые выдры: валялись в песке, ныряя и гоняясь друг за другом. Осмотрев старые следы, ведущие им навстречу, первые трое воинов въехали в воду.

Выдры прекратили забавы и исчезли.

Рыба поспешила расступиться перед копытами лошадей.

Один из воинов извлёк из перемётной сумы двух откормленных куропаток и швырнул в реку:

– Шоно, шоно, гилтвек! Водяной Дед, пропусти нас через реку!

Отряд начал медленно входить в Стоход, удерживая лошадей от питья, так как предстоял ещё трудный путь по холмам и оврагам, резвость могла понадобиться.

Когда первые три всадника достигли бревна, вкопанного посередине, с грубо вырезанным изображением рысиной головы, из прибрежных кустов вылетела первая стрела.

Она угодила в шею коню, и тот, встав на дыбы и рухнув на бок, придавил всадника и взметнул фонтан радужных брызг.

Вторая стрела, а за ней третья упали уже в воду.

– Засада... Сбейте их! – крикнул Стовов, придерживая коня. – Сбейте засаду!

Пятеро воинов, возглавляемые варягом Ацуром, рванулись на помощь двум своим товарищам и были встречены роем стрел и сулиц и градом камней. Со щитами, утыканными короткими стрелами на хромящих и залитых кровью лошадях, они отступили, потеряв ещё двоих.

Теперь уже враг был виден и слышен. Противоположный берег наполнился воющими и гикающими косматыми людьми в звериных шкурах. Они скалили зубы и победно трясли оружием, продолжая изредка пускать стрелы и камни из пращей.

Из толпы стрелян вышел воин в волчьей шкуре и, опёршись на меч, крикнул:

– Я, Оря Стрелянин, со мной мой брат Полок! Кто ты и по какому праву нарушил границы нашей земли? Почему пришёл как тать, тайно, со многими мечниками? Поворачивай назад, или мы вас всех перебьём!

– Я Стовов, владыка Каменной Ладogi и земель от Лющика до Лисьего брода! Со мной Решма, торговый человек. Мы идём в Дорогобуж и в Буйце, получить виру за убитого вирника Рыса и его людей! А потом мы хотим торговать. У нас много тканей, жита и железа! Топоры, серпы, наральники, рожны. И ещё много всего!

– Нам ничего вашего не надо. Мы вам не верим, уходите или с вами будет то же, что и с ними! – Оря сделал знак рукой, и из кустов вынесли острогу, на которой была насажена голова со слипшейся от крови седой бородой.

– Шинок... Вот звери какие... – выдохнули на другом берегу.

– Старый дурак, всю жизнь прожил в лесах и не знал, как воевать с варварами! – процедил сквозь зубы Решма. – Что скажешь, князь? Вырезали твоих молодцов!

Стовов посерел лицом, глядя, как стреляне снимают с остроги свой страшный трофей и презрительно швыряют его в реку.

Голова воеводы стукнулась о столб Матери-Рыси и, булькая, ушла в воду.

– Оря, выходи на поединок, я выпущу тебе кишки, клянусь молниями Перуна! – крикнул Стовов и со звоном вытащил из ножен меч.

– Слезь с коня, жалкий трус! Тебя ждёт Полок, сын Малка, – последовал ответ, и в воду вошёл могучий воин с длинной острогой в руках.

– Хорошо, кособрюхие, трусливые черви! Я иду. – Стовов двинул коня вперёд, будто нехотя.

Подъезжая к столбу Матери-Рыси, он уже почти перекинул через круп коня правую ногу, слезая, но вдруг бросил коня вперёд и на всём скаку обрушил меч на Полока, едва успевшего поднять над головой древко остроги.

Стальное лезвие разрубило древко и развалило стрелянина от шеи до пояса.

– Хорошо. Но договариваться всегда дешевле... – удовлетворённо сказал Решма, едва успевая посторониться, чтобы пропустить вперёд мечников, которые, в отличие от остолбене-

ших стрелян, именно такого развития событий и ожидали, потому что верили в находчивость своего князя.

С гиканьем и свистом, под надрывный вой рога, всадники, разбросав в стороны воды Стохода, преодолели брод и врубались в лесное воинство.

Бросив копья с насаженными на них телами, дружинники неистово секли направо и налево, забрызгивая себя и лошадей вражеской кровью.

Княжеские пешцы добивали раненых и тут же шарили по сумам и запазухам убитых.

– Убейте Оря! Убейте кособрюхого! – перекрывая шум сечи, кричал Стовов, подминая конём стрелян, но Оря, окружённый плотным кольцом своих сородичей, быстро отходил по тропе в глубь леса.

– Ты дорого мне заплатишь за это, Стовов, клянусь Рысью! – кричал в ответ Оря. А когда тропа стала такой узкой, что на ней не могли разъехаться и два всадника, он пронзительно пропел сойкой, и стреляне мгновенно исчезли в зарослях, словно пролитая вода на сухой песок.

Пешцы бросились за ними, понукаемые князем, но вскоре лес огласился душераздирающими криками.

Из чащи не вернулся ни один.

Решма, расталкивая возбуждённых дружинников, подъехал к Стовову:

– Кони бегут по тропам быстрее, чем стреляне по лесу, на Дорогобуж!

– На Дорогобуж! – Стовов вздыбил взмыленного коня, ветер подхватил его изодранный плащ. – Борн, возьми пять воев, подбери раненых и иди в Ладогу, поднимай и веди сюда малую дружину! Мы их вырежем всех, клянусь Перуном!

Варяг Борн важно кивнул и начал тыкать пальцем в дружинников, набирая отряд.

– Правильно ли решение послать Борна? У Ори будет хороший шанс пополнить собрание голов. – Решма едва успел пригнуться.

Несколько стрел вылетели из листвы и попали в цель.

Стреляне вернулись.

Захрипели раненые лошади, кулями повалились на землю мечники, утыканые стрелами и сулицами.

В какое-то мгновение отряд победителей, расслабившихся от ощущения победы, уменьшился вдвое.

– На Дорогобуж! – Решма ударил пятками в бока и помчался вперёд по тропе.

Стовов, изрыгая проклятия, последовал за ним.

Мечники в смятении бросились следом. Их провожали свистящие стрелы и сотня ненавидящих глаз.

Когда Оря Стрелянин вышел на тропу, заваленную телами, он упал на колени и поднял руки к небу:

– О Дажьбог, Стрибог, Велес и Мать-Рысь, заклинаю вас духами земными и подземными! Защитите детей и жён наших, и да будет так! – Он припал горящим, рассечённым лбом к земле, которая ещё дрожала от ударов копыт, бессильно закрыл затылок руками и завыл, протяжно и горестно.

Укрытый своей звериной шкурой, он был похож на умирающего от ран старого волка, поющего последнюю песню.

Стреляне скорбно стояли вокруг него, неподвижные и немые, и только один раз они взволнованно зашептались, когда на реке, около столба Матери-Рыси из воды поднялось нечто бесформенное, косматое и громадное и рухнуло обратно, словно внизу было не два локтя воды, а бездонный омут.

Глава 4. Медведь-гора

Чудин Искусеви вернулся в заброшенное волчье логово, когда над лесом безраздельно царствовала ночь и лесные духи.

Он принес вяленого мяса, полную тыквенную флягу воды и тёплые овсяные лепешки.

В поспешно брошенном стрелянском лагере он прихватил ещё несколько десятков неплохих стрел с гусиным оперением и пару тугих ореховых луков, усиленных дубовыми накладками.

– Волки. Очень много волков вокруг. Странно для такой безлунной ночи. – Он искусно высек искру железным кресалом и с первой попытки запалил небольшую пригоршню сухих листьев, а от неё тонкую сосновую ветку. – Что-то непонятное происходит в лесу. Стреляне просто так не покинули бы стоянку и не прекратили наших поисков. Я знаю Претича, того змеиноного сына с двузубой рогатиной. Отчаянный смельчак. Он просто так не ушёл бы. – Искусеви при тусклом свете лучины осмотрел раны Эйнар: зазубренные железные наконечники двух стрел прочно вцепились в кровоточащее мясо чуть выше колена. – Сейчас я промою рану и постараюсь остановить кровь. Когда мышцы оправятся от удара и расслабятся и в ране наберётся немного сукровицы и гноя, можно попробовать надрезать кожу и вытащить наконечники. Мне кажется, они не смазаны ядом, хвала Тролльхьярин, стреляне в этом году не успели собрать траву-колюку, а змеиноного яда у Рагдая им получить не удалось. Они с Рагдаем в ссоре.

– О Один Всемогущий, лучше бы ты, чудин, не говорил про яды, мне вдруг сделалось гораздо хуже! – расстроено заёрзал на боку Эйнар. – Я помню, как Тюра отравила на пиру свою служанку Флетегрет за то, что та переспала с её любимым дружинником Остаром. Какое зелёное лицо было у Флетегрет! Бр-р-р-р...

– А что случилось с Остаром? – неожиданно заинтересовался этой историей Вишена. Он пробовал тетиву из оленьих жил на стрелянском луке и, оставшись довольным, положил его рядом.

– Что с ним станет, с Остаром. Он берсерк. Зная, что его ждёт та же участь, в ту ночь подбил на побег троих дружинников, прихватил пятерых рабов Гердрика и на его ладье ушёл в Треннелаг, к конунгу Гелану, который на следующий год собирался идти на Миклгард с большой дружиной. – Эйнар мечтательно закатил глаза. – Тюра – младшая дочь Гердрика. Глупец этот Остар, что спутался с Флетегрет, мог бы после смерти Гердрика стать конунгом в Страйборге, иметь большую дружину, самую большую во всей Ранрикии.

– А дальше? – Вишена поближе придвинулся к Эйнару, который отчего-то перешёл на шёпот.

– Что я тебе, скальд? А где тогда рог? – притворно рассердился Эйнар, однако продолжал: – Гердрик послал в погоню своего брата Эддли, а сам с горя пошёл зимой на кельтов, и неожиданно очень удачно. Взял много золота и рабов. А Эддли в этот момент гонялся вокруг Гетланда за конунгом Геланом и Остаром или наоборот и чуть не подох без пресной воды. Разозлённый тем, что вместо добычи ему досталась его же ладья с обрубленной башкой, он встретил Гердрика в Страйборге и убил. Двое дружинников Гердрика спасли его золото и пообещали умирающему конунгу вернуть его Тюре и Хельге, когда из Хельгеланна приедет старший брат Олаф и установит в Страйборге порядок.

– Какая красивая сага! – растрогался Вишена. – Да ты, Эйнар, настоящий скальд.

– Ну и дубина же ты, Вишена! – расхохотался Эйнар. – Эти два дружинника с чужим золотом на горбу были Вишена Стрелянин и Эйнар Рось! Ты же сам был на том пиру, где отравили служанку Флетегрет, а потом сам ходил с Гердриком на кельтов. А с Остаром-берсерком дружки-попойщики были и вместе не раз бывали на женской половине!

– А-а... То-то, я смотрю, имена такие знакомые и события. Вот, думаю, всё как в жизни. А это про нас, – разочарованно протянул Вишена.

Он уже насытился мясом и лепёшками и то и дело тёр кулаками слипающиеся глаза.

– Я вот что хочу сказать. – Искусеви закончил промывать ногу Эйнара, осторожно вытаскивал из раны торчащие обломки стрел и наложил жгут. – Претич обязательно вернётся мстить за своих утром, когда рассветёт и можно будет читать следы. Он найдёт нас. Нужно уходить отсюда как можно дальше, пройти по ручью, сколько сможем, пока в холодной воде не занемеют ступни. Потом нужно идти в лес Спирк, где можно построить хижину и подлечить раны. Потом я могу отвести вас в землю Маарахвас, где живёт мой род. Оттуда вы сможете следующим летом вернуться в Свеаланд.

– Нам не нужно в Свеаланд. Нам нужно в Страйборг, что в Ранрикии, или в Полтеск, к князю Ятвяге, – хмуро сказал Эйнар.

– Забудь теперь про Полоцк, Эйнар. Пока мы не найдём то, что потеряли у Журчащего Крапа, мы отсюда не уйдём, – ответил Вишена и начал заворачивать в кусок холстины остатки трапезы. – Чудин прав, отсюда нужно уйти. А там посмотрим. Да поможет нам Фрейр-заступник!

– Если вы знаете какие-нибудь заклинания против оборотней, сотворите их. А если не знаете, сожмите покрепче свои обереги потому, что стреляне ушли не сами, их принудили к этому, – сказал Искусеви, зачарованно глядя на догорающую лучину. – Я видел вокруг множество медвежьих и волчьих следов. Медведи не козы, чтобы ходить стадом, а волки не собаки, чтобы вокруг них выплясывать.

– А может, лучше переждём шабаш? – неуверенно предложил Эйнар, но Вишена уже решительно выволакивал его из логова. – О Один Всемогущий, спаси и сохрани!

В кромешной тьме они двинулись на шум ручья.

Вокруг непрерывно что-то ухало, летало над головой, обдавая лица холодными волнами ночного воздуха, неподалёку под чем-то тяжёлым трещал валежник и повсеместно слышался неясный шорох, словно несметное множество зверей резвилось в брачном танце.

Не пела ни одна ночная птица, не звенели насекомые, не квакали жабы, только где-то вдали у Волотова болота тоскливо и жутко выл волк да высоко в ветвях испуганно шипела рысь.

– Да будь оно проклято, это золото, вместе с Гердриком и всем Страйборгом, – скрипел зубами Эйнар, опираясь на плечо Вишены. – Чтоб я ещё хоть раз забрёл в Гардарику?! Да тут ни одного города, наверное, нет, только становища...

– Не скрипи так зубами, Эйнар, волков распугаешь.

– Шутник, ты, Вишена, как я погляжу. Сам-то, небось, уже все штаны обмочил.

– Проклятье! – Искусеви прислушался. – Идём на звук ручья, а уклон постоянно вверх.

– Ну и что? – подал голос Эйнар. – Значит, ручей за этим холмом.

– Здесь, за Каменным полем, нет высоких крутых холмов, таких как этот. Только Медведь-гора.

– Один Справедливый, опять медведи? – Эйнар шумно выдохнул. – Я говорил, что нужно было отлежаться в норе, а не идти со слепым проводником в полной тьме. Эй, Вишена, куда ты меня притащил?

– Быстрее назад! – Искусеви развернулся и поспешно зашагал вниз по склону. – Проклятье! Здесь не было этой засеки, только что тут проходили! – Он перешагнул через несколько поваленных деревьев, переплетённых своими сучьями, и протянул руки, готовясь принять раненого. Вишена сгрёб Эйнара, и в этот момент лес до мельчайшего листика, до последней былинки осветился ослепительно-белым заревом, которое начало медленно опускаться где-то около Лисьего брода.

Неясный гул возник и пропал.

– Планида Тумак, о которой пел убогий Лочко! Опять! – Искусеви благоговейно посмотрел на зарево и отчего-то улыбнулся.

Вишена, застыв как изваяние, глядел совершенно в другую сторону, туда, где среди гигантских валунов, почти на самой вершине холма, стояли три высоких человека. Тот, что был в длинной белой рубахе, с посохом, держал на поводу приземистую, широкогрудую собаку, которая скалила длинные белые клыки на оседающее зарево.

Люди на холме смотрели в сторону Лисьего брода, не обращая внимания на неожиданных гостей.

– Один Справедливый посылает нам удачу! Погляди: вот кто увёл наше золото! – еле удержался от крика Вишена и, уложив Эйнара на землю, вытащил меч. – Ну одного-то я точно зацеплю! Эйнар, бери лук и держи их на прицеле! Чудь! Очнись, помоги, за мной!

Зарево догорало.

Незнакомцы уже заметили Вишену и его спутников, но удивления не было на их лицах.

Собака угрожающе зарычала, сверкая круглыми глазами, и встала на задние лапы, пытаясь сорваться с повода.

– Остынь, Люток, это те люди, что предупредили нас о нападении вероломных стрелян.

– Стой! Это кудесник Рагдай! – закричал Искусеви, пытаясь удержать варяга за подол рубахи, но Вишена пнул его ногой в живот и потряс мечом:

– Это тот старый вор, что увёл наше золото!

Спутники Рагдая вытащили мечи и выступили вперёд.

Они оба были в длинных, до колен, кольчугах, головы их прикрывали металлические шишаки.

Вишена несколько замедлил шаг, раздумывая, как подступиться к этим воинам, когда услышал спокойный голос:

– Твоё золото лежит там, где ты его зарыл. Оно в безопасности. Опусти оружие и следуй за мной. Я должен тебя отблагодарить. – Рагдай улыбнулся. Вишена видел широкое лицо, обрамлённое короткой рыжей бородой, глубоко посаженные светлые глаза, длинный нос с горбинкой, высокий шишковатый лоб.

Он смотрел на Рагдая, чувствуя, как невольно опускается меч.

– Никто не сможет упрекнуть Вишену Стрелянина в трусости! Пусть сначала твои телохранители спрячут оружие!

– Верник, Креп, опустите клинки. Вишена, следуй за мной, тебе и твоим товарищам ничего не угрожает. – Кудесник повернулся и вошёл в расщелину между валунами.

Собака, оглядываясь, последовала за ним.

Верник и Креп сняли шишаки, обнажив совсем юные лица, и начали спускаться к Эйнару, намереваясь помочь, но Вишена буркнул:

– Я сам, – и грозно нахмурился.

В просторной пещере, куда Вишена внёс Эйнара, по стенам горели пеньковые фитили, плавающие в глиняных плошках со свиным жиром, стояли грубо сколоченные подставки с пыльными фолиантами, сосуды из серебра, золота, глины и прозрачного горного хрусталя, хранившие разноцветные порошки, жидкости, камни.

Под каменным потолком висели гирлянды трав, кореньев, змеиных шкур, а также связки распиленных оленьих, лосиных и турьих рогов, копыт лошадей, зубров, медвежьих когтей.

Перед ещё не остывшим кузнечным горном с наковальней располагались сиденья, украшенные грубой резьбой, большой стол с остатками умеренной трапезы, широкая лавка, застеленная потёртыми шкурами.

Справа, в неглубокой выемке пола, лежала груда замысловатых инструментов, куски руды, странно блестящих металлов, горка древесного угля, штабель берёзовых и сосновых поленьев.

Слева от горна виднелась массивная дубовая дверь, усиленная железными полосами, рядом была ещё одна дверь, поменьше. Она была приоткрыта. За ней был виден короткий коридор и ещё одна пещера, еле освещённая плашками.

– Опасаясь вероломства стрелян, мне пришлось перебраться в свою мастерскую, – сказал Рагдай, усаживаясь около небольшого очага, дым из которого уходил в трещины между камнями свода. – Это место прекрасно подходит для работы, но совершенно непригодно для жилья. К тому же несколько тревожит близость к мёртвым, покоящимся в этом холме, которыми кто-то в последнее время стал сильно интересоваться.

– Ты рано испугаешь гостей, Рагдай, – звучным, певучим голосом сказал Верник и, подойдя к невысокому круглому ограждению из камней, бросил внутрь деревянное ведро на верёвке. Это был колодец. Эйнар успел дважды загнуть пальцы на руках, прежде чем ведро достигло воды.

– Ты недооцениваешь их, Верник. Их не так-то просто испугать, – улыбнулся кудесник и жестом указал гостям на стол. – Подкрепитесь, после такой ночи нужно хорошенько поесть и отдохнуть. Ешьте, а Верник тем временем приготовит целительную мазь.

– Да отблагодарят тебя боги за гостеприимство, – ответил Вишена, усаживая за стол Эйнара и усаживаясь сам. – Но расскажи нам о себе хоть немного! Кто ты, почему живёшь в этой глуши, отчего не ладишь со стрелянами и почему не едешь в Миклгард, где привечают книжников? – Вишена помедлил и добавил: – И где наше золото!

– Правильно, я должен многое объяснить, тем более у меня есть кое-какие мысли о вашем пути, – ответил Рагдай, наблюдая, как руки Вишены и Эйнара вцепляются в жирного рябчика и разрывают его на аппетитные куски. – Сначала о золоте, которое находится не очень далеко отсюда: на берегу ручья, рядом с Кавыч-камнем, на самой границе Стрелянской земли. Оно на месте. Скоро вы сможете в этом убедиться. Я случайно застал вас, у меня там были дела.

– Странные, должно быть, дела в такой глуши, клянусь Одином, – давась рябчиком и горстями клюквы, проворчал Эйнар.

– Теперь немного обо мне. Когда-то давно, когда стреляне только обживались на этих землях, сюда пришло ещё одно большое племя – с Востока, из-за пологих гор Алатырь и Урай. Они знали железо, огненное зелье, даже помнили песни о незапамятных временах, когда с Севера ползли Ледяные горы и реки разливались до небес. Стреляне звали их роци. – Рагдай сделал знак Вернику, чтобы тот добавил в целительную мазь для Эйнара ещё какого-то порошка. – Они были очень высоки ростом и умели видеть знамения в движениях планет. В одной междоусобной стычке большая часть их погибла. Оставшиеся в живых похоронили мёртвых в холме, на котором когда-то пировали великаны...

Вскоре после этого одна стрелянская женщина родила двух мальчиков, которых волхи признали чужаками и хотели убить, но мать ночью бежала из селения и спустилась с ними на плоту по Стоходу и дальше, до самого моря. Она долго скиталась, прежде чем попала в Миклгард. Там она попала в рабство и вскоре умерла. Оба её уже повзрослевших сына стали воинами императора Маврикия. Один из них погиб при осаде Фессалоник, а другой, отличившись во Фракийских походах, стал начальником конного отряда телохранителей императора. Когда Маврикия казнила чернь, погибла и вся его охрана. Но у начальника отряда телохранителей был единственный сын, которого спас и взял на воспитание книжник Борисфен. Этот мальчик спустя годы оказался здесь, совершенствуя свои знания и желая принести пользу на земле своих предков. И, так или иначе, кое-что ему удалось сделать...

Вишена кивнул, отставляя в сторону опустошённый кубок, вытер с бороды остатки хмельного мёда:

– Значит, ты и есть тот мальчик, судьба которого знала такие испытания, так, Рагдай?

– Ты догадливый, Вишена. Это он и есть, – отозвался Эйнар, лицо которого разгладилось, после того как Верник наложил на его рану повязку, пропитанную снадобьем.

– Завтра Верник вынет наконечники из раны, и ты к вечеру сможешь ходить, – сказал Креп и похлопал Эйнара по плечу.

– Ну а я Вишена Стреблянин, единственный сын Сной из Сурожа. Со мной Эйнар Рось из Ранрикии и Искусеви из Маарахваса... – начал Вишена, выискивая глазами, что бы ещё такого отведать из еды.

– Не нужно рассказывать твою историю, я её знаю. Закапывая золото конунга Гердрика у Кавыч-камня, вы так орали друг на друга, что всё мне стало известно. В этом нет нужды, – усмехнулся кудесник. – Вы с Эйнарком очень шумные, настоящие берсерки. Благодаря тому, что вы сшиблись на каменном поле с Претичем, он не застал нас врасплох, когда мы были в нижней галерее. Мы услышали этот бой. Теперь я хочу отблагодарить вас. Креп, принеси подарки.

– Ты льстишь нам, кудесник. Мы не берсерки, мы просто викинги!

Креп скрылся за дверью и вскоре вернулся, неся в руках два добротных меча с продольными разжелобками:

– Эти мечи изготовлены до того, как стреляне пришли к Стоходу. Очень давно.

– Да ладно. На них нет ни одного ржавого изъяна, – ответил Эйнар, рассматривая рукоять в виде двух орлиных голов, глядящих в разные стороны. – Хороши мечи. Обвернём рукояти сырой кожей, и всё, даже грани доводить не нужно. Острые.

– Это действительно хорошие мечи. Древние мечи из погребения, – сказал Рагдай. – Они сделаны из небесного железа, падающего иногда на землю в виде огненных звёзд. Если к этому железу добавить несколько редких металлов и правильно обработать, оно никогда не будет ржаветь. Это сплав.

Вишена взял меч и плашмя ударил им об пол.
Высокий звон наполнил пещеру.

– Да, я однажды видел такое оружие в Свейской земле. Это хорошая сталь. Мы благодарны тебе, Рагдай, клянусь Фрейром, это прекрасное оружие. Но это слишком высокая плата за нашу скромную услугу. И поднятый шум. Мы остаёмся у тебя в долгу, Рагдай.

– Учтивая речь. Она мне по нраву... Хорошо. Ладно... Я рад, что мечи вам понравились. Вашему осторожному товарищу я потом тоже что-нибудь подберу. Попроще... – улыбаясь, сказал Рагдай и жестом пригласил Искусеви подсесть к столу.

Но тот усиленно замотал головой и указал на остатки еды, захваченной им в стрелянском лагере, которую он сейчас и разложил на своих коленях.

– Теперь о главном. Звёзды привели нас сюда и сделали так, что мы встретились именно тогда, когда мне необходима помощь, – скорбно склонив голову, продолжал Рагдай. – В лесах, лежащих вокруг Медведь-горы, некогда успокоившихся, после того как сюда пришли стрелянские племена, началось тревожное движение. Что-то ещё, знакомое мне, появилось в чащах. Я ничего не понимаю, а с лесными жителями теперь не могу общаться. Сбылось предсказание древних рун, и пришла планида Тумак, или змей Валдута, как это называют стреляне.

– О каких жителях леса ты говоришь, кудесник, о стрелянах или чуди белоглазой? – спросил Эйнар, любясь мечом.

– Нет, варяг, я говорю о духах леса, воздуха и воды, о тех, кто в лесу выше самого высокого дерева, а в поле ниже травы, – сказал Рагдай.

– Тролльхьярин! – вырвалось у Искусеви. – Повелительница леса, храни меня Фрейр!

– Ясно, всякие там лешаки, водяные дедушки, кумахи, кикиморы и оборотни, – кивнул Вишена. – Но что мы-то тут можем сделать? Мы бессильны против духов, кумаха проникнет в нас так же легко, как в любого другого. А против земных врагов у тебя есть эти дылды. – Варяг указал на Верника и Крепа и подтолкнул локтем Эйнара.

– Мне нужно, в самое ближайшее время, отправиться к Матери Матерей, вниз по Стоходу, к Урочищу Стуга. Креп должен остаться с Лютоком здесь, охранять гору. В дороге со мной могут приключаться всякие неожиданности, и я хочу, чтобы вы с Эйнаром сопровождали меня, – сказал Рагдай, глядя собаку, которая, услышав своё имя, неслышно подошла к хозяину из своего угла и села рядом.

– О Фрейр Всемогущий, неужели Мать Матерей действительно существует! – воскликнул Искусеви и вскочил на ноги, отчего Люток злобно оскалился и утробно зарычал. – Моя бабушка говорила, что если Мать Матерей проведёт руками над головой человека, то он не будет знать болезней и ему всегда будет сопутствовать удача. Кудесник Рагдай, возьми меня с собой!

– А мы с Эйнаром свободные люди, викинги, и идём только туда, куда хотим мы. – Вишена строго глянул на Искусеви, но затем неожиданно развеселился. – Или с тем, кто больше заплатит.

– Я учёл это, Вишена. Вот вам дополнение к мечам из небесной стали... – Рагдай сделал знак, и Креп поставил на стол небольшой глиняный горшок, в котором Вишена обнаружил золотые хорасанские и геджасские дирхемы, а также несколько очень старых, с ладонь, монет, с изображением восьмиконечной звезды, вписанной в круг из цепочки рунических символов.

– Ты меня уговорил, кудесник, – засмеялся Вишена, запуская пальцы в золото. – Эй, Эйнар! Согласен?

Но Эйнар не ответил.

Он блаженно храпел, уронив голову в миску с клюквой.

Глава 5. Мстите за своих

Когда Стовов рукой в кольчужной варьге остановил свой отряд, до земляного вала и частокола Дорогобужа было не более ста шагов.

Решма удовлетворённо кивнул.

Место для остановки было выбрано удачно; тропа делала крутой поворот, и всадники были сейчас скрыты от возможных наблюдателей из-за тына густыми зарослями орешника.

Слева и справа лежал возделанный пал, на котором среди ржаных суслонов торчали обугленные пни.

На поле не было ни души.

– Смотри-ка, Корогод, стреляне что, суслоны в копны для скирд не вяжут? Так и кидают? Ну, дикие... – тихо сказал один из мечников, повернувшись в седле к своему соседу.

– Дубина ты, Ледень, суслоны погниют или пересохнут. Все вяжут. И стреляне тоже. Это ты дикий... – пробасил Корогод, поигрывая шипастым кистенём на длинной рукояти. – Попрятались они все.

Стовов обернулся, злобно глянул на мечников:

– Ещё слово, головы разобью, клянусь Велесом! Тише давай...

Ледень неосознанно пригнул голову за свой щит и прикусил язык.

Солнце уже коснулось верхушек сосен и расстелило по земле неровные, длинные тени. Вечерняя заря медленно окрашивала слоистые облака на горизонте в пурпурные тона, а на другом краю неба голубой свод быстро синел, показывая первые, ещё неярко звёзды.

Лошади нетерпеливо перебирали копытами, обёрнутыми от шума в войлочные мешочки, иногда взбрыкивали, раздували бока, пытались сбросить с морд полотняные обвязки и раздражённо заржать.

Мечники, как могли, сдерживали их, подёргивая поводья и выгнутые шеи.

Стовов медлил. Он по-прежнему внимательно вслушивался в звуки, доносящиеся из-за частокола, при этом лицо его приобретало всё более лисье выражение.

– По-моему, они там молятся своей драной кошке, – шепнул он Решме, который уже начал терять терпение. – Они, наверное, уверены, что Оря до сих пор держит брод. Даже сторожу не выставили. Перережем всех. Возьмём логово на копье и перережем, клянусь молнией Перуна! – Он величественно выпрямился в седле и указал на Ацура с Сигуном. – Переберитесь через тын. Откройте нам ворота.

Варяги нехотя слезли с коней и, придерживая шлемы, мягко пробежали, огибая орешник. Отряд медленно двинулся следом.

Варяги беспрепятственно достигли тына, с силой всадив в него по два своих метательных топора, один над другим, полезли по ним, как по ступеням.

Было слышно, как они с лязгом спрыгнули внутрь укрепления.

Загрохотал падающий засов.

Ворота пошатнулись и рухнули наружу, подняв облако пыли и наполнив окрестности гулким эхом, которое слилось с воинственным воплем дружины, двинувшейся на приступ.

Трещая стягом, нахлестывая коней и надрывая глотки, воины Стовова ворвались в Дорогобуж, но тут же, в недоумении, закружили на небольшом утоптанном пятке, перед большой избой, сложенной из сажённых бревен:

– Тут нет никого совсем!

– Ушли все и скотину, поди, увели!

– Скавыка, погляди там, в кузне, а этих дедов старых толкай, гони сюда!

Решма, не слезая с коня, угрюмо глядел, как Ацур и Сигун пинками распахивают двери утлых, приземистых строений, светят факелами внутрь, как торопливо спешиваются мечники,

навешивая на седла уже ненужные щиты, как Скавыка и Ломонос, гогоча, толкают к князю древками копий стариков в рогатых шапках с бронзовыми бляхами.

Старцы пошли спокойно, продолжая тянуть что-то заунывное, время от времени ударяя своими посохами в небольшие бубны:

– Чегир-звездой заклинается всяка гадина нечистая... Да уймёт она приворот, оборот всякий и лихое дело... – разобрал Решма их слова и покривился, когда над его ухом, надсаживаясь, вдруг заорал Стовов:

– Тороп, Ледень, Корогод, Жеребило, Шуй! Живо в лес, разведать округу. След найти! – Он был вне себя от ярости; лицо сделалось пунцовым больше обычного – ноздри раздулись. – Проклятые, хитрые змеи, думают схорониться в чаще!

– Мы их найдём, Стовов! – крикнул Корогод, поднимая коня на дыбы. – Всё козье дерьмо со стёжек не соберёшь, гусям клювы не заткнёшь, а примятой травы до утра не распрямишь!

– Ну, волхи стрелянские, челом бьёте или как? Где сородичи укрылись, говорите мне быстро, где ведун Рагдай с выкорышами своими? – пророкотал Стовов, направляя своего коня на стариков.

Один из волхов, сторонясь ярого натиска, приложив руку к груди, ответил:

– Кто ты таков, что нарушил границы нашего мира и, презрев все обычаи, являешься с мечом в жилища наши, прервав жатву и жизнь? Так знай, лихой человек, что кони твои уже вкусили прикрыш-травы, а люди твои освещены звездой Маняк. Горе тебе!

– Ах ты, пустобрюхий, князя своего не узнаёшь? – Стовов выудил из-за пояса трёххвостую кожаную плетку и что есть силы ударил старика по голове. – Я вам, собачьим детям, такую виру назначу, устанете свои головы отрезать, клянусь Дажьбогом! Не куницей, не белью, головами будете платить!

Упав на одно колено и хватая руками разом вспухшее от удара лицо, волх хрипло крикнул:

– Ты нам не князь, Стовов, мы вольный народ!

– Ах ты, признал меня всё же, сорняк! – Стовов неожиданно и злобно рассмеялся. – Рабское племя! Вольный, значит? Хорошо, когда четыре коня раздерут тебя на части, ты будешь вольным! Эй. Скавыка, приготовь коней. А этих... – Князь указал плетью на двух других волхов. – Укоротить головы!

Скавыка хмыкнул, вытащил меч и начал, примериваясь, поворачивать к старикам своего коня.

– Пусть падёт проклятие на твою голову... Да растерзают когти Матери-Рыси твою душу и тело, и Валдута... – Волхи отбросили бубны и подняли тяжёлые посохи, намереваясь защищаться.

Решма, до этого с любопытством наблюдавший, как дружинники, побрякивая, рубят топорами большой, грубый ткацкий станок под соломенным навесом и увлечённо бьют о стену глиняные горшки, плошки, миски, крынки, услышал отчаянные выкрики волхов и подъехал поближе:

– Стовов, эти длиннородые люди тебе пригодятся. Их можно поменять на Орю и Рагдая. Если Рагдай, конечно, у стрелян, – сказал он.

– Откуда ты знаешь, что они согласятся? – Глаза Стовова свирепо сощурились. – Неплохо бы! Время и людей сбережём, разрази меня гром!

– Почему думаю – долго тебе объяснять. Не ухватываешь ты такие вещи быстро...

– Что? Чего ухватывать быстро... – Князь тупо уставился в спину медленно отъезжающего Решмы и хмыкнул. – Вот голова же у товарина... Эй, Скавыка! Погоди их рубить!

Скавыка в последний момент, окликнутой князем, едва изменил полёт меча и только сшиб клинком рогатую шапку с головы одного из стрелян.

Она, кувыркаясь и бренча, полетела на крышу кузницы и повисла там, на коньке, взирая на Стовова оскаленной рысиной мордой.

Стовов плюнул и, взглянув поверх тына, увидел над лесом, в направлении Лисьего брода, три жирных чёрных дыма, уходящие столбами в меркнувшее вечернее небо:

- Проклятый Оря, успел-таки упредить всех своих сородичей.
- Нашли, нашли! – вдруг раздалось у кузницы.

Несколько мечников там обступили Ацура, выволакивающего из клетки кривляющегося стрелянина в одних изодранных портах.

– Кулю, кулю – баба! На, выколи глаза, сын под окошком, свин под лукошком. Пора, что ли? Кто идёт искать? – блаженно заорал стрелянин и, поймав на себе цепкий взгляд обернувшегося Решмы, осёкся.

– Лочко! – удивлённо вскрикнул один из волхов, невзирая на то что ему самому грозила смерть. – Ты почему не ушёл?

Лочко вывернулся от Ацура и начал потешно приплясывать:

– Гуси-лебеди летели, через камушки глядели, либо ворох, либо промах, либо на горе сидели!

Решма изумлённо выкатил глаза, но через мгновение снова овладел собой и нарочито равнодушно отвернулся.

– Претич, сын Малка, не ходил бы ты на гору по колдунов и чародеев, а то Валдута-змея пожрёт, – крикнул Лочко в спину Решмы и вдруг, упав в пыль, начал кататься, трясясь всем телом и ударяясь затылком.

– Брось его, Ацур, – сказал пожилой мечник, стоящий рядом с варягом. – Не видишь, ушибиха у него. Прогневал, видать, он Кумаху. Не тронь, замараешься только сам.

Когда задымил в ямах семенной овёс, наполняя сумерки сладковатым дымом, послышался конский топот и на двор влетел злой и красный от скачки Ледень, без щита, копья, шелома, на взмыленном коне:

– Стреляне! Много! Там! Шуя подстрелили! – Он неопределённо махнул куда-то в лес рукой.

В Дорогобуж, гремя оружием, ворвались следом Тороп, Корогод и Жеребило.

Корогод как стяг держал перед собой шест, с насаженной на него большой носатой головой.

У Торопа через седло свисала темноволосая скулящая баба в длинном, затканном бисером балахоне и лаптях.

– Их там сотни, стрелян... Стовов, князь... Еле ушли от них! – крикнул Корогод, размахивая кистенём, на шипах которого болтались лоскуты чьей-то бурой кожи.

– О Перун Всемогущий, так это ж голова варяга Борна! – задохнулся воздухом Стовов, приглядевшись к трофею Корогода.

– Да, Оря начал было собирать пустые головы дураков, а потом решил раздаривать кому попало, – сказал себе под нос Решма.

Пользуясь тем, что никто на него не смотрел, он приблизился к затихшему Лочко и процедил сквозь зубы:

– Какого лешего ты тут остался? Хочешь всё дело загубить, урод...

– Ставить ворота! Готовьтесь к осаде... Разжигать факелы, все на тын! – загремел Стовов. – Недобитый Оря идёт к нам сам!

Перед тем как ворота были восстановлены, в городище влетел ещё один всадник на низкорослой пегой лошади.

Увернувшись от случайной стрелы, выпущенной ему в лицо, всадник спрыгнул с коня и проворно воткнул у ног свой меч:

– Я Кречун, гонец Водополка Тёмного, князя Предславя и Словенца. К купцу Решме!

– Это что ещё за кикимора такая тут прискакала ко мне? – зло спросил Стовов, оглядывая лоскутную рубаху гонца, в прорезе ворота которой что-то ярко блеснуло.

– Будь добр, Стовов, не злись... Это наши торговые дела, про товары всё... Клянусь венком Ярилы, – негромко, но твёрдо сказал Решма. – Займись пока Орей со стрелянами. А я со своими займусь...

– Чего? – не расслышал князь, оглушённый теперь возбуждёнными криками своих воинов.

– Гуси-лебеди летели, через камушки глядели... – снова затянул Лочко и, пошатываясь, побрёл вдоль тына, у которого редкой цепочкой расположились мечники, уже посылающие в сторону леса стрелу за стрелой.

Там, за тыном, непрерывно гудел рог.

Ответные стрелы с глухим звуком впивались в тын, тыкались в соломенные крыши и землю двора.

Звенели тетивы, ухали, разгибаясь, луки, стрелы прилетали с резким свистом взлохмаченного оперения.

Иногда лес оглашался радостным воем, когда кто-то из мечников Стовова кулём падал вниз, с пробитой шеей или головой.

Иногда раздавался яростный рев, когда стрела находила среди листвы стрелянина.

Солнце уже давно село, последняя полоска зари растворялась в ночном небе, а лунный свет не пробивал лесного мрака, окружившего Дорогобуж.

– Они подбираются ближе! Ничего не видно, только попусту тратим стрелы! – кричали мечники.

– Ладно, Кречун. Хватит про парчу и перец, и прочую местную лабуду... Нас уже никто из этих дикарей не слышит, – сказал Решма, немигающими глазами глядя на гудящее пламя костра. – Давай теперь о деле. Натоот!

– Натоот! После неудачи на реке Вошне мы попытались занять Звенящий холм у Перекольска, что в двух переходах от Полтеска, и нам удалось проникнуть внутрь горы. – Кречун запахнул ворот своего рубища, скрывающего тонкую дорожную кольчугу.

Он вдруг поник под ликующим взглядом Решмы.

– Но там было пусто. Хранилище уже давно залито водой, поросло мхами и плесенью. Ни намёка на топливо... Видимо, сработал механизм «мягкой» самоликвидации...

Лицо Решмы сделалось пунцовым, потом серым, потом белым, обычно презрительные глаза округлились, на лбу выступила испарина.

– Не может этого быть. Ты врешь! Холм звенел. Сам говорил. Там было топливо! – Он схватил Кречуна за плечи и потрянул так, что у того клацнули зубы.

– Да, звенел, клянусь Натоотваалем, но пусто! – Кречун вдруг разъярился и, стяхнув руки Решмы, сильно толкнул того в грудь. – Прекрати, ягд! Я тебе не варвар... Я составил схему хранилища, тебе перешлют. Судя по всему, резерв топлива находился не так далеко от входа и особо не был защищён... Если бы удалось проникнуть внутрь, думаю, мы бы сумели его взять... Не кипятись... Тут осталось ещё три Звенящих холма: Медведь-гора, Морок-камень на Упряди и безмянный холм в урочище Стуга, в земле бурундеев. Остальные места: Заморье, северный край Хельгеланна и Свеи – слишком далеки для нас. С имеющимися транспортными возможностями – и вовсе труднодоступны. Не хватит нам для этого времени.

Ну, что онемел? Разрази меня пространство! Ладно. Я отправляюсь на Упрядь, а твоё место тут, ягд Шлокрист. На вот тебе, на подарки, три куна бели. Разруби на гривны и будь настороже. Торча нашего зарезали в середине червеня, на Мокридов день. Заночевал, дурак, на пристани у Жара, а там полно всякой швали с Главного пути собирается. Спящего и порезали. – Кречун, уже успокоившись, вытащил из заплечной сумы три серебряных слитка, завернутые в рогожу.

Всучил Решме в руки.

– Ладно, Кречун, не сердись на меня. Нервы... Отыграемся ещё на этом сброде, нахватаются они ещё молний перуновских да своих любимых Валдутиных когтей, или как там у них... О небо, говорю уже почти как они! – Решма глубоко вдохнул дымный воздух, и в его глазах сверкнул отблеск горящих изб.

– А Рагдай этот чего? Так, кажется, зовут этого местного колдуна? – спросил Кречун, сторонясь к стене кузни, чтобы не мешать двум мечникам собирать с земли короткие стрелянские стрелы, валяющиеся или торчащие вокруг, как солома на жнивье.

– Рагдай – единственный человек, кто отважился поселиться на Звенящем холме. Либо это простое совпадение, либо он посвящён в тайну этого места. И в том, и другом случае он может много знать про тайны, которые скрывает гора. К тому же в Медведь-горе есть древний

могильник, как говорит Лочко, и его ходы могут вести на достаточную глубину, чтобы раскрыть их. – Решма, в задумчивости, помог Кречуну влезть на коня. – Я его захвачу, пожалуй, этого колдуна Рагдая, и произведу дознание, пусть даже придётся для этого вытянуть все его жилы и ногти, из живого. Стой, подожди, а как же ты выберешься из Дорогобужа, ворота же выставлены и открыть их нельзя, кругом стрельяне?

– Нужно лучше работать со своим тайным сведуном. Тут есть лаз в тыне. – Кречун криво усмехнулся и указал на Лочко, который с трудом отодвигал два бревна частокола, выдолбленные изнутри для облегчения веса и подвязанные верёвками.

– О Велес Справедливый, так стрельяне через него могут ворваться внутрь, это же их ход! – остолбенел Решма. – Нужно поскорее предупредить Стовова!

– Ладно, прощай, воюй... Занимайся тут... Гей! – Кречун ударил коня под бока и, двинув его через образовавшийся проход в тыне, мгновенно скрылся в темноте.

– Летит змей Валдута по небу, а голова его по траве скачет, а другая голова в пожаре плачет! Первенечки, дружончики, цыкень, выкень! – заорал ему вслед Лочко и улыбнулся.

– Стовов, тут тайный ход, его нужно немедленно закрыть и охранять, клянусь венком Ярилы. – Решма застал князя у столба Матери-Рыси, который был вкопан в землю за главной избой.

Князь стегал плёткой бабу, привезённую из разведки Торопом.

Тут же сидели на земле стрельянские волхи, что-то бормоча и вскидывая к небу старческие руки.

Двое мечников, держащих стрельянку, при каждом ударе отворачивались, оберегая красные лица от неверного удара плети.

– Ну, Лыбедь, одного твоего имени мне мало, – бушевал князь. В его кольчуге застрял наконечник стрелы, а на щеке багровел кровоподтёк – работа стрельянских пращников. – Откуда у Ори столько воев, змея? Сколько их... Запытаю!

– Пришёл Поруха из Камыша, и дядька Орин Добрит с воями... – просипела Лыбедь, и Стовов велел мечникам бросить её и облить водой.

– Что ты говоришь про ход, купец? – обернулся князь к Решме.

– Да так. – Решма уже заметил, что несколько мечников, обратив внимание на орущего Лочко, бегут к лазу. – Я вот что думаю, князь, стрельяне не обменяют этих волхов на Орю. Волхов у них много и в Буйце, и в Камыше, а Оря всего один. Не поменяют. – Он покосился на стариков, которые яростно проклинали Лочко, раскрывшего тайный лаз, через который стрельяне могли бы неожиданно проникнуть в Дорогобуж.

– Ты так считаешь? – удивился Стовов и приосанился. На фоне горящего селения он выглядел величественно.

– Клянусь молниями Перуна.

– Я тоже так считаю. Я убью их сам. И разрублю, как свиные туши, на мелкие кусочки... – Он вынул меч, простёр руку в сторону тел пяти мечников, убитых в перестрелке на тыне и положенных неподалёку рядком, и сказал, обращаясь к своим людям, устало спускающимся с вала за новыми стрелами: – Мстите, мстите за своих! Шенка, Борна, Телая и Шуя, всех!

Решма отвернулся.

– Нет, погодь, сперва я над ней потешусь! – хрипло заорал за его спиной Ацур. – Кусается, росомаха!

Тут же послышался истошный крик стрельянки.

Решма с досадой закрыл уши ладонями...

Глава 6. Стоход

Проснувшись на следующее утро от яркого солнечного блика, лёгшего на веки, Эйнар слез с лавки и сонно пробрался к столу, а точнее, к кувшину с водой, стоящему на нём.

Подранная медвежья шкура, служившая ему только что постелью, зацепилась за ногу и поволоклась следом, сшибая горшки и связки сушёной травы.

– Проклятая дохлятина, – разозлился Эйнар, пнул шкуру и вдруг осознал, что его раны почти уже не болят и почти уже полностью затянулись. – Ну и дела, клянусь Фрейром. Это колдовство, не иначе!

В пещере было сухо, свежо, пахло хвоей и горячим железом.

Вишена и Искусеви ещё храпели на полатах, в очаге трещал маленький огонь, в своём углу неподвижно сидел Люток, следя глазами за кружащей над его миской одинокой мухой.

– Ну, где твои хозяева? – спросил пса Эйнар, промочив водой горло.

Люток щёлкнул пастью, норовя поймать назойливое насекомое, и, наклонив голову, уставился на варяга стеклянными глазами.

– Ладно-ладно, не отвлекайся от охоты, извини. – Эйнар с опаской прошёл мимо громадной собаки и подобрался к узкой щели между гранитными глыбами, через которую пробивалось солнце.

Щель была глубиной в десяток локтей и постепенно расширялась наружу, образуя естественную бойницу.

Через неё просматривался участок леса перед холмом, полоса чёрного дыма над ним, уходящая под облака, и группа людей в вывернутых шкурах, среди россыпи камней, всего в нескольких десятках шагов от пещеры.

Они были вооружены и о чём-то возбуждённо совещались, тыча иногда пальцами прямо в то место, где в чреве скалы находился невидимый для них Эйнар.

– Как нога, Эйнар? – В пещеру из неведомого хода неслышно проникли Рагдай и Верник. Оба были в высоких мягких сапогах, шнурованных на всю высоту, и просторных рубахах, скрывающих тонкие кольчуги. Рубахи их были выкрашены травяным соком в тёмно-зелёный цвет с жёлтыми разводами.

– Всё зажило на мне, как на волке, – ответил Эйнар, недоумённо рассматривая странную раскраску их одежд. – Там, под холмом, люди, и они, по-моему, ополоумели, раз решились поджечь весь лес, где негде будет укрыться от огня.

– Это стреляне, с которыми вы сшиблись вчера на капище, – сказал Верник, вынимая из сумы ошипанную курицу и ловко насаживая её на вертел. – Буди своих друзей, Эйнар. Нужно хорошенько подкрепиться перед нашей дальней дорогой. А на стрелян не обращай особо внимания. Сюда, внутрь холма, может пройти только тот, кто знает, как это можно сделать.

– А куда мы отправляемся? По-моему, тут нам всем очень неплохо! – Варяг пожал плечами и, подойдя к полатам, начал трясти Вишену: – Эй, вставай, Один ждёт твоих оправданий!

Вишена оторвал голову от постели и начал растирать ладонями опухшее лицо:

– О, боги, спал я словно на камнях. Всю ночь снилась мне звезда Чегир, выжигающая мои внутренности! – Он соскочил на пол и принял из рук Эйнара кувшин.

– Ты слишком много вчера выпил хмельного, Вишена, – улыбнулся Рагдай.

– Да? Возможно. Зато ты почти не пил. Всё на книги посматривал. – Вишена с опаской потрогал толстые фолианты и стащил за рубаху с полатей Искусеви, который, бормоча, повис на его плечах, продолжая, видимо, досматривать сладкие утренние сны.

– Я! Я пойду в пещеру троллей и заберу их богатства и волшебный кинжал Оннатар, если ты, Эдда, придёшь ко мне и отдашь своё ведьмино тело... – бормотал Искусеви.

– Чудин, твоя Эдда уже пришла! – усмехнулся Эйнар.

– Где? – Искусеви очнулся и стал очумело вертеть головой. – Где я?

– Ты у Одина! И тебя ждёт суровая кара за похищенный Оннатар! – завывая, пропел Эйнар.

Вдоволь натешившись, все принялись поглощать курицу, вяленое лосиное мясо, капусту, лук, сочную молодую редьку, овсяную кашу на кислом козьем молоке с мёдом, брынзу, козий сыр и ржаные лепешки.

В общем, еда была как на пиру у Одина.

– Давно я так вкусно не ел, клянусь стрелами Фрейра! – откидываясь через некоторое время и ковыряя щепкой во рту, сказал Вишена.

– Со вчерашнего вечера. Мне так кажется... – в тон ему ответил Эйнар. – Однако, Рагдай, откуда такое изобилие, у вас что тут, в камнях, капуста растёт и овчарня есть?

– Нет. Просто ещё до вчерашнего утра стреляне охотно меняли свою еду на наши железные и бронзовые вещи. – Рагдай зачерпнул ладонью из лубяного короба у печи горсть наконечников для стрел, кованых гвоздей и рассыпал их перед собой на столе. – Мы лечим их детей, заговариваем раны, отговариваем от приворота, оборота и лихого дела, указываем в лесу бортовые участки и звериные стежки, учим правильно читать звёзды и оборонять землю, показываем, как строить надёжные плоты и лёгкие челны, как искать и плавить железо. – Рагдай вздохнул. – Но стрелянским волхам это не сильно нравится. Они несколько раз пытались убить меня в лесу, подсунуть отравленное мясо и запалить Медведь-гору. Теперь они подняли на нас стрелян Дорогобужа, и занялись этим всерьёз. Боюсь, вскоре нам навсегда придётся покинуть эти места и уйти за Спирк.

– Не все стреляне хотят этого, Рагдай. Только Претич с волхами и его род. Оря, Стрелянин, и его люди за тебя. Как только Оря выгонит Стовова за Лисий брод, он вернётся, убьёт Претича, и всё будет по-старому, – сказал Искусеви.

– Но пока что этот Претич рыскает у Медведь-горы, бьёт топором о камень и суёт в расщелины горящую солому, – сказал вошедший Креп; лицо его было озабоченным и хмурым. – Вам придётся выбираться через опасные подземные ходы. Основной вход закрыт охотниками Претича.

– Ну, пора. – Рагдай поднялся. – Мы к полудню должны быть на Стоходе, чтобы до темноты пройти Мост Русалок. А наши варяги, Вишена и Эйнар, должны ещё успеть заглянуть к Кавыч-камню, дабы убедиться, что золото конунга Гердрика на месте. Иначе они весь поход спокойно спать не смогут... Так ведь?

Собрались быстро, основательно, заботясь прежде всего об оружии и одежде.

Перед тем как спуститься в глубь горы по каменным ступенькам, Рагдай печально окинул взглядом мастерскую: гирлянды трав и рогов под потолком, кузнечный горн и потрескивающий очаг, Крепа и Лютока, недвижимо стоящих перед входом в подземелье:

– Прощайте, да хранит вас небо.

– Прощай, Рагдай, пусть тебе сопутствует удача в пути! – ответил Креп, а Люток отрывисто гавкнул и попытался сорваться с ошейника.

Верник, Эйнар, Вишена, Искусеви и Рагдай начали быстро спускаться вниз, освещая площадками крутые ступени, гладкие низкие своды и замшелые стены, с которых сочилась вода.

Верник уверенно вёл их всё ниже и ниже, иногда останавливаясь, чтобы найти на стене перед развилкой пути начертанные на стенах охрой знаки.

– О Один Всемогущий! Вишена, я только что видел белую жабу!

– Вперёд, вперёд! Эйнар!

Иногда они проходили мимо заваленных боковых ходов, защищённых полустёртыми от времени древними письменами, иногда приходилось осторожно перебираться по мосткам через бездонные колодцы, из которых пахло плесенью и гнилью.

Ход теперь шёл горизонтально, постепенно повышаясь, о чём свидетельствовал бегущий навстречу тоненький ручеёк, питаемый каплей со стен.

– Это логово троллей... Чувствуешь, Эйнар, как дрожит камень под ногами?

– Замолчи, чудин, клянусь Фрейром, и без тебя жуть берёт!

– Вперёд, вперёд!

Радостное солнце и весело шумящий лес на какое-то время ослепили и оглушили их.

Медведь-гора, стреляне Претича и Дорогобуж остались далеко позади. По другую сторону горы.

Здесь же беззаботно суетились белки и бродили непуганые олени.

Еле заметная матёрая рысь дремала в ветвях молодого дуба, свесив вниз расслабленные лапы, похожая сейчас скорее на пустую, уютную шкуру, чем на хищного и коварного зверя.

Ручей Журчащий Крап изобиловал рыбой, а бобры без опаски плескались в прозрачной ледяной воде около своих запруд.

Здесь путники разделились. Эйнар с Верником ушли к Кавыч-камню вверх по ручью, а остальные пошли вниз по течению, по воде, чтобы не оставлять следов.

Искусеви ругал холодную воду, скользкие камни и с сожалением провожал взглядами беспечное зверье, переживающее людей, чтобы возобновить водопой.

Когда солнце приблизилось к зениту, а ручей расширился и начал заболачиваться, покрытый блюдцами ряски, пучками камышей и осоки, Эйнар и Верник снова присоединились к остальным.

Эйнар сиял.

Золото Гердрика было на месте.

Он смог сам, как и обещал Рагдай, в этом убедиться.

Туда же, к золоту Гердрика, был пристроен горшок с золотом Рагдая, полученным варягами в качестве платы за наём для сопровождения к Матери Матерей.

Эйнар теперь время от времени хлопал Вишenu по плечу и уверял, что он готов сейчас отправиться хоть в Троллеланд, хоть ещё дальше.

На это Вишена, тоже развеселившись, отвечал, что пока пути дальше Урочища Стуга не предвидится, а в Троллеланд они и так попадут...

К золотому браслету, прихваченному им при закопке клада, Эйнар присоединил два громадных перстня с дымчатыми топазами и шёл теперь, довольно рассматривая их.

Всё было спокойно, только один раз им попались следы стрелянских охотников на песке, полусмытые водой, да некоторое время их сопровождало поодаль что-то незримое, подвывая и треща в чаще валежником.

Ровно в полдень путники вышли на берег реки Стоход.

Они, не мешкая и споро, принялись рубить плот, туго раскрепляя выбранные деревья верёвками, чтобы производить при их падении как можно меньше шума.

Они вязали сосновые стволы прямо в воде. Ровные, гладкие брёвна даже не нужно было подтёсывать.

Сооружение плота закончилось устройством тяжёлого кормила и некоего подобия шалаша в центре, внутри которого был насыпан песок и выложен каменный круг для очага.

Подняв на крестовине узкое льняное полотно и переноса с берега два массивных камня-якоря, обвязанные толстыми пеньковыми верёвками, они оттолкнули шестами берег и быстро вышли на середину реки.

Стоход в этом месте имел ширину в сотню шагов и пологие берега и далеко просматривался вверх и вниз по течению.

Тяжёлый плот, десять локтей в длину и столько же в ширину, уверенно двинулся вслед за водой, желтоватой и илистой, бурлящей водоворотами над омутами и омывающей белыми барашками торчащие со дна коряги и камни.

Пока Искусев и Верник спорили о том, какими подарками и заклинаниями умилюстить Водяного Деда, Эйнар занял место у кормила:

– Я хорошо знаю морское дело и не раз помогал кормчим в бурю. Если у меня будет добрый проводник, то быстро и без приключений дойдём до места, клянусь Одним. – Он подбоченился, оглядываясь окрест; если бы вода Стохода была прозрачней и высокий торжественный лес был выкрашен в цвет скал, а с севера дул ровный ледяной Гельгейн, он бы сказал, что снова всё так, как дома, и он сейчас идёт к Страйборгу, по фиорду Ингигерды. – Вишена, ну-ка, затруби в рог!

Верник хотел было возразить, но Вишена укоризненно взглянул на него и поднёс свой серебряный рог к губам.

– Звук этого заколдованного рога в начале пути сделает его удачным. Боги пошлют попутный ветер, а водные ведьмы спрячутся под корягами, ибо так бог Один разговаривает с нами, – торжественно сказал Эйнар, вслушиваясь в низкий, величественный звук, повисший над рекой.

Вишена прекрасно умел трубить, он скорее играл на роге, и его слушать было очень приятно.

Когда через некоторое время подул северо-западный Шелоник, Верник с уважением посмотрел на Эйнара, на рог и, поправив хлопавший, раздувшийся парус, присел рядом с Вишеной, который в это время пытался вовлечь чудина в древнюю игру в загадки.

Искусеви отмалчивался и задумчиво глядел на волны.

Рагдай спал в шалаше, беспокойно и трудно, как человек, прободрствовавший всю прошлую ночь.

– Ладно, поглядим, насколько ты сообразительный, Верник. Сыграем в загадки или боишься? – продолжал своё Вишена.

– Почему? Я люблю игру в загадки. На что играем? – наконец отозвался Верник.

– От тебя твоя кольчуга, а от меня вот этот нож с рукоятью из моржовой кости.

– Кон не равен, – замотал головой Верник.

– Ладно, скряга, добавляю побрякушки с Эйнара и ладонь молотой гвоздики с перцем и чабрецом, – вздохнул Вишена, не обращая внимания на Эйнара, грозящего ему раззолоченным кулаком. – Только, чур, загадывать о реальном. За три раза, идёт?

– Идёт. – Верник вытянул из кулака Вишены короткую хворостинку и начал первым: – Мать толста, дочь красна, сын храбёр, под небеса ушёл?

– Ну, это легко, – оскалился варяг. – Очаг, пламя и дым. Теперь я: кругло, мало, всякому мило?

Верник вскинул глаза в небо, пошарил ими вокруг и погрузился в раздумье.

Вишена начал медленно загибать пальцы на руке.

Он даже и ожидать не мог, что столь лёгкая загадка повергнет Крепа в замешательство:

– Всё, время ушло. Говори отгадку.

– Это... Это серебряные дирхемы! – выпалил Верник и облегчённо вздохнул. – Не грешна, а повешена?

На этот раз всерьёз задумался Вишена.

Он вертелся на своём месте, полоскал ладонь в воде, прикладывал её ко лбу, щупал ладанку и обереги и наконец сказал:

– Льняное полотно паруса!

– Неверно.

– Тогда разбойник, ещё ничего не укравший, – наобум сказал Вишена, глядя, как за спиной Верника Эйнар, отпустив кормило, делает отчаянные жесты, словно пытаясь взлететь.

– А, понял, это птица в клетке, – дошёл наконец до варяга смысл подсказки. – Уфф...

– Верно, – огорчился Верник, подозрительно оглянулся на Эйнара, уже совсем невозмутимо глядящего вдаль.

Настала теперь очередь Вишены.

– Сидит птица Салоса, без крыльев и хвоста, и космата, и горбата, куда ни взглянет, правду скажет.

– Глаза, – сразу ответил Верник. – Только это неправильная загадка.

– Почему?

– Потому что глаза не всегда говорят правду. Они видят, что земля плоская, а она на самом деле не плоская.

– Конечно, не плоская, клянусь Фрейром, она вся в реках, горах и фиордах! – охотно согласился Вишена.

– Я говорю обо всей земле. Она круглая, как яблоко.

– Нет, это не так. Если бы она была круглая, то вся вода бы с неё стекла и все люди и звери упали... Ерунда... – замахал руками Вишена. – Земля как блюдце, а океан, который льётся через край, подхватывают в золотые ведра дочери Одина, Нори и Глойн, и выливают её обратно. От этого дожди. А когда они случайно сталкиваются ведрами, бывает гром и молнии, если, конечно, это не Один пускает в неудобного огненные стрелы. Как может быть по-другому... Так ведь, Эйнар?

– Правильно, клянусь всеми богами!

– Ладно, вот Рагдай проснётся, спросим у него. Я тоже не совсем понимаю, почему вся вода не сливается вниз и где в неё упираются спины титанов, которые её держат. Хорошо. Пусть... Вот моя следующая загадка, – тряхнул головой Верник. – Летит птица, не крылата, не горбата, носик долгий, голос тонкий, кто её убьёт, человеческую кровь прольёт? – Верник развернулся к Вишене полуоборотом, чтобы видеть Эйнара.

– Птица-оборотень... Нет, нет, погоди, не считается! Птица Сирин! – занервничал Вишена и, убив на щеке комара, совершенно счастливый, сказал: – Смотри... Комар! Конечно комар, клянусь бородой Одина. Ну а теперь придёт тебе туго: а всё я разлеглася, кабы встала – небо достала, кабы руки да ноги, я б вора связала, кабы рот и язык, я бы всё рассказала?

– Тролль, окаменевший утром. Очень похоже... – рассеянно сказал Искусеви, печально глядя на воду. – Но... Это не ответ... Погоди...

– Испортил попытку. Неверно, не тролль. – Вишена вопросительно уставился на собеседника.

– Молодец, Вишена, какая хорошая загадка. Я помню! – закивал Эйнар и вдруг умолк, а через мгновение тревожно крикнул: – Ладья! Клянусь Одином, смотрите, ладья!

– Ладья? Здесь, на Стоходе? – изумился Верник.

Они вскочили.

Самой ладьи ещё не было видно, но над излучиной реки, поросшей камышом и осокой, возвышалась крестовина мачты с подвязанным парусом и обвислым флажком.

Когда плот начал огибать камышовые заросли, в них послышался осторожный шорох, стебли раздвинулись, и из-за них показались двое стрелян, стоящих по колено в воде и с луками на изготовку:

– Приветствуем тебя, Рагдай!

Рагдай, которого уже разбудил Искусеви, сделал знак Эйнару, чтобы тот приблизился к берегу.

Верник упёрся шестом в илистое дно, остановил движение плота, и Рагдай обратился к охотникам:

– Приветствую тебя, Тереша. Что, Оря Стрелянин до сих пор охраняет брод у Трёх Дубов?

– Нет, Оря ушёл вслед за Стововом, который идёт с дружиной на Дорогобуж, – ответил ему Тереша, пожилой стрелянин с сухим, морщинистым лицом. – Я и ещё десяток охотников остались защищать брод. Не знаю, как это получится. Мы знаем, что к Стовову на подмогу из Ладоги идёт его младшая дружина и что она вот-вот будет здесь. Клянусь клыками Матери-Рыси, мы её потрепем, как старшую, но вряд ли сможем одолеть воинов в железной броне. – Тереша указал на сосны позади себя, на которых висело несколько обезглавленных тел с привязанными к груди княжескими щитами. – Мы будем жестоко защищаться... А ты, кудесник, неужели покидаешь наши земли? Неужели горстка родичей Претича смогла так напугать тебя, что ты убегаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.